

Ольга Полторецкая

Счастье земное

Стихотворения

Книга 1

Золотое Чистополье

Чистополь

2012

ББК 84 (2Рос=Рус)6-5

П52

П52 Полторецкая О.Б. Счастье земное. Книга первая "Золотое Чистополье". Стихотворения. Избранное. - Чистополь: 2012 – 109 с.

В книгу поэта Ольги Полторецкой вошли стихотворения разных лет: размышления о родине, о природе, о человеческой судьбе, о любви и надежде.

Автор нередко пишет о горестях, тяжести быта, печалях, а получается - о свете, надежде, счастье и любви. Пишет - о страждущей приземленной плоти, а получается - о странствующей, неусмирённой душе.

Ее способность преображения – делает окружающее фактом поэзии. Вся эта обыденность жизни, любовная маята, многотрудные годы воспитания сына и тут же - память детства и отрочества с их нежностью и верностью семейному очагу – все это – пот и кровь той крылатости, с которой читаются ее стихи.

Рекомендовано для широкого круга читателя.

ББК 84 (2Рос=Рус)6-5

Охраняется действующим законодательством об авторских правах (ГК, ч.4, гл.70).

Полторецкая О.Б, 2012

От автора

Полторецкая Ольга Борисовна – член литературного объединения «Ступени» г. Чистополя. По образованию – радиофизик, патентовед. По профессии – педагог, инженер, библиотекарь, экскурсовод.

Советские города - Чистополь, Казань, Ялта, Винница, Волгоград стали жизненным причалом в разные периоды. Сегодня - вернулась в город детства Чистополь.

Поэзия – пожизненное увлечение. Предлагает вашему вниманию первую книгу сборника стихотворений «Счастье земное» - «Золотое Чистополье».

Этот сборник включает в себя стихотворения, написанные в течение всей жизни. «Нет слов, чтобы выразить то, что я чувствую», - говорят иногда. Эти слова найдены – не прилюдно, не напоказ, для себя, так как никогда и никому стихи не читались.

Перечитаны недавно, жизнь спустя. И подумалось, что это - для всех. Потому, что чистота, нежность, красота, вера, надежда и любовь – живут в каждом сердце. И каждому нужны - до коа.

Сердечно благодарна поэтам Р.Г. Гардиеву, Р.Х. Хисамову, Е.В.Быковой, которые благосклонно оценили поэтический сборник, Он обязан так же своим рождением поддержке всего коллектива литературного объединения «Ступени».

Особенно благодарна своей сестре Н.А. Дьячковой, которая побудила пересмотреть поэтический материал и отношение к нему.

*С уважением и любовью,
Ольга Полторецкая.*

Поэзия человечности и правды

«Стихи - это боль и лекарство от боли, а если возможно - игра...» Эти строчки поэта В.Шаламова как нельзя точно определяют существо её поистине выстраданного сборника «Счастье земное».

Поэтическое credo автора можно обозначить евангельской установкой:

Живи достойно, мир не обижая,
Чтоб не было ошибок, не греши,
И ты - прижизненно достигнешь рая
Распятьем изболевшейся души.

Эти стихологеты, наполненные сутью нашего сумасбродного времени, должны быть услышаны всеми, кто не омертвел душой. И они рефреном перекликаются с тючевскими раздумьями: «Не мир, но век растлился в наши дни, И человек отчаянно тоскует – Он к свету рвётся из ночной тени, А свет обретши – ропщет и бунтует».

А мы: «Бредём по жизни – в никуда,
То ль к мудрости, то ль к детству,
И путеводная звезда
Мелькает по соседству».

Это точное обозначение сиротства наших сердец и «... одиночества конца, забыты мы детьми...»

«И ждём покорно тьмы ». Но «Мир – весь – Божья благодать, Если мудро видеть вещи.

Бог везде – в тебе – и в храме,
Лишь умей творить добро...»

И вернуть утраченную в нашей испоганенной жизни благодать – это творить добро. И успеть. Ибо жизнь коротка. В этом – вся книга стихов.

И самое главное, автор сумела вобрать лучший опыт Мирры Лохвицкой, Зинаиды Гиппиус, Марины Цветаевой и Беллы Ахмадуллиной. То есть это – не графоманская версификация поэтического слога, а ощущение подлинности нашего трагического бытия.

И остается пожелать автору творческого счастья и долголетия.

Рафаил Хисамов, искусствовед.

Золотое Чистополье

Золотое Чистополье-
Одуванчиковый рай,
Наглядеться б только вволю,
Ну, а там - хоть помирай.
Все колдобины и раны
Искалеченной земли
Целованьем непрестанным
Уврачуе, исцелит.
Мать-земля своею лаской,
Первоцветьем лепестка
Возвращает детства сказку -
И слеза - уже легка,
И слеза – уже надеждой
Раны сердца освятит,
Одуванчиковым светом
Взгляд и душу осветит.
Золотое Чистополье-
Одуванчиковый рай,
Наглядеться б только вволю,
Ну, а там - хоть помирай...

Но вечен звёздный свет над Камой.

Закамье спит – и лишь случайный
Мелькнёт звездою огонёк.
Судьбы кораблик вновь причалил
К родным берегам, где мой исток.
Отсюда, юностью ведомый,
Отплыл в заморские края
И плавал далеко от дома,
Забыв, где родина моя.
Но срок пришёл – и память детства
Его к Закамью позвала,
Теперь с ним рядом по соседству
Гудят церковей колокола.
А я всё больше понимаю,
Что в паутине всех дорог

Одна, единственно-прямая,
В родной на Каме городок,
К таким заоблачным закатам,
Что и пером ни описать,
К тому, что дорого и свято,
Что завещала в детстве мать.
И здесь моя седая старость
Под руку – с юностью идёт.
И пусть, пройти осталось малость,
Но вечен Чистопольский свод,
Но вечен звёздный свет над Камой,
Рассветы в отсветах луны,
И храмов облик под крестами,
Что нам для памяти даны.
Закамье спит – и лишь случайный...

Моя Отчизна, отчий дым...

Прикамский плес, прикамский лес,
Прими мой слог к своим созвучьям –
Пусть мир твой не из самых лучших,
Но выше нет твоих небес,
Нет слаще запахов медвяных,
Что облетают в лепестках.
О, как здесь тонко, грустно вянут
Стога по осени в лугах.
Как простодушно всё, по-детски,
И всё завещано – на взлёт...
Летят обветренные ветки
Под тихий, звёздный небосвод,
И травы влажно волны катят
По перелескам голубым.
Моя Отчизна, отчий дым,
Что так нам - горек и приятен.
Прикамский плес, прикамский лес...
Всё найдено - у камских вод...

Пьянит девчонку поцелуй,

Его забыть она не в силах,
А я люблю – касанье струй,
Их шёпот девственный и милый.
О, Камы ветреной волна,
Она упруга и желанна.
В ней тело бьётся, как струна,
От нежности той неустанной.
Вольней и слаще ласк тех нет.
В них сердце негою объято,
И солнце льёт на нас свой свет,
И единенье это свято.
Тепло волны, тепло небес,
Сияние закамских далей –
Средь всех изведанных чудес
Главнейшим чудом они стали.
За солнцем звёзды в хоровод
Слетаются, как в небе чайки,
И здесь, у камских чистых вод,
Душа раскрыта без утайки,
Чтоб слиться трепетно с волной
И вечности на миг коснуться,
И мнить, что для тебя одной
Весь мир, всё счастье – и очнуться
От забытья и неги вод,
Согревшись на песке горячем...
Вот так - без горя и забот,
Жить, не ища уже удачи!
Всё найдено у камских вод –
Родное небо, улиц память...
Мой жизненный круговорот
Обрёл причал навек - на Каме...

Анна Светлейшая – Божья благодать,

Тихон Светлейший – счастья свет земного
Мне заменили и отца, и мать,
Дали тепло очага родного,
В жизнь направляли отчей добротой,
Мир мне открыли за порогом дома.
Стала достойна их памяти святой,
И благодарна слову их простому:
« Внучка, терпи, свой добывая хлеб,
Счастье, как птицу, долго не приручишь».
Прожила век с верой в счастье на земле,
Но закончить, право, с верой в Бога – лучше...
Анна Светлейшая – Божья благодать,
Тихон Светлейший – счастья свет земного...

В озёрах зорь стволов колонны –
Вселенским храмом – падай ниц!
И колыбели – гнёзда птиц
В их поднебесных вьются кронах.
Земля торжественно объята
Трудом зачатия и тризн
Под сумраком ветвей крылатых,
Одетых в разнолистье риз.
И нет ни горестей, ни страха
Пред ожидающим концом,
Светло покатится из праха
Ростка зеленое кольцо.
Проснётся жизнь медовой почкой
На тельце ласковом ростка,
Чтоб лиственной хмельною строчкой
Обвить надгробие листка,
И гулким рокотом басов
Из синей мглы ночного бора
Взнести за облака и горы
Моление о любви и зов.
В озёрах зорь стволов колонны ...

Золотым осиянные светом
Отгорающей поздней листвы
Дразнят рощи порою рассветной
Терпким духом привядшей травы.
То Закамье – грибным привольем
Искушает сердца грибников.
Есть, где там разгуляться на воле
И вернуться с корзиной грибов.
Вот волнушки волнуются в ведрах
И опята – на кромках корзин.
Все отыскано, что природой
Было скрыто в глубинке низин.
Так в поклонах под куст да пенечки
Весь исхожен Закамский край,
И устало вернувшись под ночку,
Хорошо вспоминать травный рай.
Хорошо вспоминать, предвкушая
Ароматной жарешки вкус
И солений – статья другая,
Что дарует ядрёный груздь.
В этом счастье и радость – веками
Чистопольского грибника ...
И плывут над притихшим Закамьем
Лебедями на юг облака.
Золотым осиянные светом...

Восточной яркости базар –
Ряды алеющих томатов,
Янтарный перец, лук и дар
Тепла и звезд – гроздь винограда,
Ряды благоуханных дынь,
Лишь тронь ножом – сольются соком!
И солнца южного теплынь

Во влажном черном блеске ока.
Сладчайшей твердостью налит
Прозрачный отсвет сочных ягод,
И неба жаркий лазурит
Царит над этой тризной сада.
Здесь торжествующая смерть
Предстала в жажде сладострастья,
И каждый плод готов сгореть,
Даря вам солнца жизнь причастьем.
И тает сладость на губах,
И каждый миг - неповторимость.
Да сгинет смерти тлен и страх
И совместит несовместимость!
Чтоб в этом пиршестве основ
До боли трепетен и близок
Ромашки облик, юн и нов,
Взошёл, как память и как вызов.
Чтоб смолкли краски, говор стих,
Чтоб сердце – грусть свою избыло,
Чтоб лепестков прозрачный штрих
Сиял, как вечное светило...

Эти дворики - схожи с московскими,
В буйстве трав и деревьев вековых,
С воротами кирпично-неброскими
И стоянкой машин легковых.
Чистопольские дворики – чудные
В колорите прошедших веков,
Пережив лихолетье трудное,
Смотрят в небо пространством окон.
Занавески, как знак примирения,
Из купеческих окон видны,
Как эпохи связующей звенья,
Нам, потомкам, они даны.
Обжиты и, как прежде, прекрасны
Двухвековых строений ряды,

Интерьеры - лепниной украшены
И чугуном перил завитых.
И ступени широких лестниц
Поднимаются в прошлый век,
Где в убранство из комнат-пленниц
Современный вошёл человек,
И уверенной, властной задумкой
Жить заставил по-своему дом,
Без пощады и без уступок
На расчете житейски-простом,
Чтоб в купеческих бальных залах
Зазвучали детей голоса,
Чтобы гордостью засияла
Старина – в чистопольских глазах.
Эти дворики - схожи с московскими...

Пою, когда гортань иссушит
Желаньем страстного стиха,
И сердце строки навзничь рушит,
Как пласт целинный лемеха,
И обнажит глухие корни,
Зародыш дум и семя слов.
Все равнозначно – злак ли сорный
Иль зелень будущих хлебов.
Строка светлеет словом счастья,
Наивно-синим словно лен,
Иль сытостью - земли причастьем...
Ей отдаю себя в полон,
Чтоб под хладеющую осень
Собрать могла твоя рука
Все тернии и все колосья,
Что воздала душе строка.
Пою, когда гортань иссушит...

Неспешной зрелости пора,

Земная сладость упоенья,
Когда с утра и до утра
Мир полон шорохов паденья
Плодов, как губы налитых,
Горящих радугою соков.
И мякоть яблок, в цвет осоки,
Янтарней - от небес крутых.
И хрусток плод, и терпок сок,
Чуть обожженный винным духом,
И зрелость стихотворных строк
Смягчает боль заветно-глухо,
И росы тают на ветвях,
Подобно гроздьям чудных ягод,
Напоминанием о днях,
Пресыщенных пьянящей влагой.
Неспешной зрелости пора...

Хлеба, омытые в дождях,
Сияют в тёплых дугах радуг,
Над ними ласточки свистят,
Даруя небу лёт и радость,
Земле даруя вновь теплынь,
Подобную губам желанным,
И сладкой горечью полынь
Овеет вечер, как осанной.
И лишь в дали – на грани звёзд,
Ещё ломаются зарницы
Последним блеском жарких гроз,
В которых нечем освежиться...

*Чуть ветерок там дышит
меж листьями...*

Листвой от плоти - плоть земля
Вернула любящих и страстных,
И гибкой тонкостью запястья
Светлеют ветви в тополях.
Застыли, но не навсегда
Те руки, что от муки гнулись –
Они ветвями в жизнь вернулись,
Чтоб болью стала – красота.
Листвой от плоти - плоть земля...

А бабье лето на исходе -
Последней нежности теплынь.
Гудят печальней пароходы,
Червоней лист, горчей полынь,
Багряней ранние закаты,
Свежее сень сибирских пихт,
И всё заметнее – утраты
В рдяных монистах облепих.
А бабье лето на исходе...

Как сладко здесь весь мир услышать...

Плыву по солнечной дорожке.
Уж поздний август – пляж остыл,
И волны холодят до дрожи,
А в небе - белый росчерк крыл,
За белой чайкой - парус белый,
Летающий катер пенит след,
И гребни волн легко, как мелом,
Узор рисуют им вослед.
Река волнуется и спорит,
Бросая волны на песок,
Меня качает, словно в море,

И валом хлещет мне в висок.
Оглушена – и в ослепление
От буйства ветреной волны
Я выхожу в изнеможение,
А мысли - вольны и пьяны.
И чуть покачивает берег,
И кругом – голова идет,
И невозможно не поверить
В хмельной, речной водоворот.
Конечно, Кама – нет, не море,
Но, как роскошна под волной,
Когда она с ветрами в споре,
Когда рождается прибой...
Осенним хладом небо дышит,
Хоть солнце силится согреть...
Как сладко – здесь весь мир услышать,
Родиться, жить и умереть...

Вновь выюгой смыты горизонты,
Текут барханами снега,
И терпким запахом озона
Бьет, словно потом на бегах.
Летят леса, как кобылицы,
Ветвями-гривами свистя,
В молниеносные зарницы,
В потоки снежного дождя.
И чудно все, и необычно,
Как старца поздняя любовь,
Чья речь уже косноязычна,
Но страстью обжигает кровь.
Вновь выюгой смыты горизонты...

И пусть здесь будет город - сад...

Свечой гигантской встал собор
Над городом и Камой.
Здесь цветником – украшен двор,
Как благоуханной рамой,
Ромашек горделивых вязь
И аромат левкоев,
Без вычурности и прикрас,
Все - дышит здесь покоем.
Всецветья буйство, свежесть поз,
Цветы истомой дышат,
Здесь нет роскошных южных роз,
Цикад здесь не услышишь,
А лишь, ромашек золотых
Касаясь чуть крылами,
Рой бабочек , совсем простых,
Мелькает меж цветами,
Да папоротники – во всю мощь
Раскинулись привольно.
Святым приветом белых рощ
Грустит березка сольно.
Её задумчивый мотив
Гармонию вливает
В сей лепестковый коллектив,
Что здесь благоухает.
Цветы так ярко и свежо
Встречают вас с вечерни
После молитвы, как ожог,
Как зов от жизни вчерне
К желанной, набело, судьбе
В достоинстве и чести,
Чтоб каждый помысел в тебе
Стал благостною вестью,
Чтоб светлые сбылись мечты,
Чтоб горе отступило...
Вобрал те зыбкие черты
Ромашек облик милый.
Над разноцветьем звон плывет
Соборный, колокольный,

Чтобы у вечных камских вод
Мой Чистополь жил вольно,
Не бедствовал, а процветал,
Чтоб горожан уделом
Стал труд – по благодати креста,
И каждый горд стал делом.
А потому собор – свечой
Сияет два столетья,
Чтоб был отмечен не мечом,
Мой град, а разноцветьем,
Чтоб улиц дивные ряды
Цветеньем нас встречали,
В ветвях манящие плоды
По осени качались.
И пусть здесь будет город-сад
Под райскою прохладой,
Чтоб каждый был тем горд и рад,
И большего – не надо!

Светлейшество Ваше, Нежность...

В начале – было Слово,
И слово это – Мысль,
Божественной основой,
Дарующей нам смысл.
Потом, второе – Чувство
И названо – Любовь,
Впитавшее и буйство,
И страсть, что греет кровь.
А третье слово - Нежность.
То слово, как фантом,
В объятии безгрешном,
В иллюзии хором.
Связав собой Надежду
И Веру, и Любовь,
Легло, как неизбежность,
В основу всех основ.
Светлейшество свет, Нежность,

Раскрой свои крыла,
Чтоб свято и неспешно
Жизнь, напоследок, шла.
О Нежность, трепет кожи
Под ангелом мечты.
И в жизни ты – до дрожи
И в смерти только ты...

Свет милосердия.

Скарятинские сосны - в поднебесье,
Из детства мне кивают головой.
А рядом церковь, всех живущих крестит,
Ушедших провожает на покой.
Замшелые, кладбищенские плиты,
Авдеевский заброшенный погост...
Здесь прошлое доверчиво открыто,
Смысл бытия единственен и прост -
Живи достойно, мир не обижая,
Чтоб не было ошибок, не грехи,
И ты – прижизненно достигнешь рая
Распятьем изболевшейся души.
И ты – прижизненно решишь проблемы,
Ведь, их не будет, если жизнь светла,
И чистоты Божественной эмблемой
Взнесутся над тобою купола.
Сроднишься сердцем с каждым, словно с близким,
Щеку подставишь гневу под удар,
Чтоб пред Создателем в поклоне низком
Свет милосердия обрести, как дар.
Мой Чистополь, таким тебя я вижу
На склоне завершающихся лет...
И ты, мой мальчик, может быть, услышишь
Благословляющий тебя привет.
Скарятинские сосны - в поднебесье...

Всё прежнее - знакомое до слёз,

Родное и далекое до боли,
И кружевные проветви берёз,
И лес, прильнувший к вымерзшему полю.
Морозный свет, стекающий с небес,
И очерк минарета тьмой обложен.
И так же - сердце тянется к тебе,
И так же - миг свиданья невозможен.
Всё прежнее - знакомое до слёз...

Стих - стиху рознь, строка – строке.
Одна - пышна, как одалиска,
Другая – реет налегке,
А третья – бьется сердца диском.
Приручены, как девки, две,
Умело губ тревожат веер,
Но не цвести им в глаз листве
И не сыскать в сердцах доверья.
И только третьей – темный гул,
Разгул, с делением ядер схожий,
Без всех изысканных посул
Взорвать, как атом, душу может.
И в пекле пламенных высот
Душа, развеянная пеплом,
Вновь птицей Феникс оживет
В строке, что от любви ослепла.
Стих - стиху рознь, строка – строке...

Свирели апрельских ветров
У птах в зацелованных клювах,
Раскрылья дубовых шатров
В накрапах зари, словно в клюкве.
И ломкой мелодией флейт,
Что с белых сосуллек – в ладони,
Капель вешней радостью звонит,

Теплом задышавших полей.
И сердце гудит неспроста
Теплом ожидания согрето,
В нем зреют зародыши лета,
Как в глянце свитке листа.
Свирели апрельских ветров...

Когда о Родине слова
Летят в тоскующем эфире,
Я знаю памятью родства,
Мне отчий дом – святее лиры,
Дороже твоего плеча,
Богатств и славы в властном звоне,
Здесь на коленях дед качал
Меня – девчонкой несмышленной.
Весенней дымкою берез,
Исходной точкою Вселенной
Мой двор навеки в душу врос,
Как в грунт замшелый, отчьи стены.
Здесь все – предчувствие конца -
И ветхих лестниц бегство,
И серый силуэт крыльца,
И воскрешенье - детства.
Когда о Родине слова...

Застонать бы от сладкой боли,
Листья губ освятив росой,
Словно счастья – не сыщешь боле
Поцелуя ромашки босой,
Словно рокот вступающих громов
Не столь четок в чужой стороне,
И блистательных молний изломы
Салютуют иначе весне.

Нет, и там – длинноногой ромашкой
Раскрывается в небе звезда,
Только детством не пахнет там кашка,
Не горит огоньком – резеда.
Застонать бы от сладкой боли...

Боже, сколько в поднебесье – солнца
В декабре, как будто бы весной!
И капли голубые кольца
Ниже каждый лучик озорной.
Глубина бездонная, как прорубь,
Голову закинь – все звезды вниз.
Закружился, словно сизый голубь,
Облетев с дерев, засохший лист.
Надувается в ветрах, как парус,
Простыней замерзших белизна,
Словно кораблей летящих ярус,
Провожает детства сторона.
Здесь покой и невесомость счастья,
И прохлада солнечных снегов.
И незримо – онемевшей гаммой
Сыплет снег с высоких облаков.
Боже, сколько в поднебесье – солнца...

Еще лыжня - совсем легка,
И бересты белее склоны,
Когда зачатые гроз снега
Таят, как чрево плод, влюбленно.
И звезд бездонную купель
Март целомудренно и чисто
Сливает в робкую капель,
В бесхитростные птичьи свисты.
И одуряюще-пахуч

Разломом почек тополиных
В снегах купающийся луч
Под куполами гнезд грачиных.
Еще лыжня - совсем легка...

Снова сердце смеяться стало
Над печалью и бедой,
И слетают с берёз устало
Листья стаёю золотой.
И сжигает ночным объятьем
Осень медленный лёт листа,
Запекая, как губы страстью,
Кисть рябины в сквозных кустах.
Ей отрада, не выждав сроки,
Отгрустив, словно камень - с плеч,
В лебединую песнь тревоги
Голубые леса облечь,
Ей награда – густая проседь
В золотую её красу.
И смеётся, и плачет осень,
Словно сердце моё, в лесу...

Апрель, апрель, твоей поре
Дано бесценнейшее право -
Звенеть капелью на заре
На всех созвучьях и октавах.
Ты юн, и ты - не обессудь,
Когда в плену твоих владений
Толкнется сердце птахой в грудь
От боли яркой удивленья -
И онемееет от тоски,
Что мир так тесен и удушлив
В холодных стенах городских,

Где , словно в клетках, рвутся души,
Забьется властно, в унисон
Ветрам распахнутых распутий
В порыве мчаться, как Ассоль,
На парус корабля попутный,
Омыться свежестью озер,
Где стебли трав кручением свиты,
В алеющем прозренье зорь
За все мгновенья, что убиты.
Апрель, апрель, твоей поре...

А небо – плыло по виску,
Бездоньем углубив глазницы,
И пили солнце по глотку
На ветках стынувшие птицы,
Глотали, торопясь, вздохлёб,
Безмолвно на него взирая.
И лес – нетронутостью троп
Блистал томительнее рая.
В нем - все причинно, только тронь –
И нить гармонии прервется,
Сорвётся снег с пушистых крон,
И ветка жалобно забьётся.
Ей резонансом дрогнет высь,
Качнёт другую, третью ветку –
И крон заснеженный карниз
Рассыпется алмазной сеткой.
И вспыхнет снег сухим огнём,
Миллионом солнц в миниатюре,
И облегчённо лес вздохнёт
В немыслимо-сквозной лазури...

Новый день начиная - рада,

Каждый день, как в последний раз.
Лес зардел золотым окладом,
Как славянский иконостас.
Что ни дерево, то – святыня,
Приходи – и поклоны бей.
Снег, оплывшей свечою стынет
В покоробленных ликах ветвей.
Золотое стоит сиянье
В предпоследних оттенках тепла,
И не верится в увяданье
И бескровность сухого ствола.
Новый день начиная - рада...

Вновь белеют березы чётко
В размалёванных, в дым, облаках,
И серёжек янтарные чётки -
У весенних ветров в руках.
Вновь в молитвенно-страстном экстазе
Грозы падают в травы ниц,
Чтоб над месяцем древних Азий
Изойти в перелёт зарниц,
Чтоб за грохотом летних ливней
Счастьем спрятаться, не шутя,
В частоколе громов и линий
Из оплавленных стрел дождя.
Вновь белеют березы четко...

Ветер вздрогнул в оргийном трансе
И торжественно стих, как Бах,
Лишь ромашковый привкус ласки
Смутной горечью плыл в губах.
И пронзительно – синью пела
Золочёной сосны труба
О сородичах корабельных,

Раскрывая ветвей раструба.
Она пела в разливе вёсен
О биенье разбухших вен.
Она пела – и мне был тесен
Рук твоих нестерпимый плен...

Ах, «ярар уж», ах, «ярар» -
Говорок татарской речи.
У реки бурлит базар,
Слышен светлый зов мечети,
Все, как прежде, город стар,
Только люди – все моложе...
Ах, «ярар уж», ах «ярар» -
Век достойно нами прожит.
Все в трудах – за хлеба кус,
За глоток счастливый солнца...
Ах, «ярар» - еще вернусь
Отыскать свой свет в оконце...

Я люблю эту позднюю осень
В оголённом сиротстве ветвей,
Плач небес в мокрых всполохах сосен
И прощальный полёт журавлей,
И свинцовой бездонности небо,
Жёстких листьев невнятный галдёж,
И тончайшие запахи хлеба,
Что родит озимая рожь.
Я люблю эту позднюю осень...

И плыли сосны - невесомей звука

По этой нескончаемой весне,
Протягивая солнечные руки
Всем облакам в ожившей вышине.
Их взгляд летел – открытей всяких правил,
Сиял огнем томительнее лун.
Но грянул шквал - и лишь стволам оставил
Обрывки задыхающихся струн.
И плыли сосны - невесомей звука...

Реквием

Когда качались в океанах
На трёх китах материки,
И небо дыбилось Осанной,
Седьмою твердию в виски,
И ностальгией сердце стыло,
И мир был стар, как тот Завет,
Когда чернел изменой свет,
Лишь мать нас верностью дарила.
Лишь ты, обиды все простив,
И собирая в путь-дорогу,
Благословляла нас подмогой
Святых, молитву сотворив...
Но был святей любой иконы
Твой лик - любовью матерей,
Не в золото окладов вкован,
А в седину былых кудрей.
И не было святей, чем руки,
Носившие на сердце нас.
Пройдут века – за часом час,
Они останутся порукой
Всему, что лучшего в судьбе
Отмерено нам плотью брэнной.
Мне б - пред тобою на колени,
Как прадед пред углом в избе,
Мне бы - успеть, но не сбылось...
А жизнь – игрушка заводная.
Прости, что мало удалось
Мне сделать для тебя, родная,

Что не вернуть, как не моли,
Тебя, что ближе всех на свете,
Не повторить, в других не встретить,
Хоть, наземь всех богов свали.
Так не взлететь уже реке,
Обрушенной в тиски ущелий,
И загнанно вгрызаясь в щели,
Она ревет в слепой тоске...

Когда в душе избыток красоты,
И жажда утоления не ищет,
Гляжу вокруг, как с горной высоты,
И эта высота - всего превыше.
Когда весь мир, как сердце на бегу,
К немym губам приваливает душно,
Я эту боль, как счастье, берегу,
И большего - мне в этот час не нужно.
Когда, как пропасть в ноги, пустота,
И каждый шаг отравлен недоверием,
Тогда спасеньем – детская мечта
И исцеленьем – дружеские двери.
Они приветят в полдень и в ночи
Мои тревоги без заслуг и званий.
За ними сердце верное стучит,
Поэзии – высокое призванье.
Когда в душе избыток красоты...

Бредём по жизни - в никуда,

То ль к мудрости, то ль к детству,
И путеводная звезда
Мелькает по соседству.
Финал – мы в старости с тобой.
Не наша ли вина,
Что чаша мудрости святой
Потомству не нужна?
И к детству мы не приобрели –
Забыт души исток.
Там, в детстве, нас любить могли,
Теперь не ждёт никто.
О, одиночество конца,
Забыты мы детьми....
Нет ни панамы, ни венца,
И ждём покорно тьмы.
Но сердце просится сказать:
«За всё простите нас,
Любовь, что вам дарует мать,
Спасёт однажды вас.
И всё отдаст без громких фраз –
Владей и разумей!
Лишь зов её погасших глаз
На тризне пожалей,
Лишь вспомни добрый их совет,
Как душу сохранить,
Как негасимый Божий свет
Слезой скупой пролить».
Бредём по жизни - в никуда...

И хочется весь мир - любить...

На берегу нет ни души
Там, где тела нагие грелись.
И, слава Богу. День прожить
Полегче стало, в самом деле.
Осенней свежестью бодрит
Конец купального сезона,
А тело от волны горит,

Как от дыхания озона.
Закамье дарит леса дух,
И от избытка кислорода
Дышу отчаянно за двух
Пока сопутствует погода.
Дышать так сладко и легко
И наслаждаться видом Камы,
И, словно в детстве, след песком
Обкладываю зыбкой рамой.
Не стало галок – нет еды,
Над берегом лишь крики чаек,
И в мире – мир, и нет беды,
Когда душа – души не чает.
О Господи, как мир хорош,
Пока он без людской «заботы»,
Без человека, что ни в грош
Не ставит красоту природы.
Чисты - на небе облака,
Чисты – нетронутые реки,
Росой омытые луга,
Глаза, прикрытые от неги.
И хочется весь мир - любить
И улыбаться хмурым лицам,
Чтоб светом счастья одарить
И встречной ласке – удивиться.

Нам всем не хватает любви,
Нам всем не хватает покоя,
А счастье – зови, не зови,
Обходит нас всех стороною.
И с этим смиряемся мы,
И ложь в красоту облачаем,
И только на краешке тьмы
Бессилье слезами встречаем.
Но, как эти слезы свежи
В своей поэтической вязи –

Источник правдивейшей лжи
Так кровно с поэзией связан.
Но, как эти слезы нужны,
Чтоб встретить рассвет горделиво,
И нет в этом нашей вины,
Что верим в обман тот счастливый.
Восторженно пьем мы вино
Обмана, натешившись вволю,
Поскольку любви – не дано,
Поскольку другого – нет боле.
Минутное счастье ушло,
Умчалось, не остановишь...
Поэзия – сладкое зло,
Попытка вернуть его снова.
Поэзия – жизненный фарс,
Смешенье запретов и воли,
Возможно – Божественный дар,
Возможно - лекарство от боли.
Нам всем не хватает любви,
Нам всем не хватает покоя...

Здесь замолю гордыни грех...

Слетелись чайки на волну,
Несётся Кама вскачь, как кони,
Закамский ветер пелену
Срывает и на берег гонит.
Бушует бурная река,
О милости любви не просит,
И кучевые облака
На Чистополье ветром сносит.
Сверкнув крылом, взмывают вверх
С уловом щедрым к солнцу чайки -
Здесь замолю гордыни грех,
Раскрою сердце без утайки.
Здесь обрету я мир душе,
Которого - всю жизнь искала,
Вдали от нищенства бомжей

У Чистопольского причала.
Слетелись чайки на волну...

Последняя ласка лета
В предвестии сентября –
Рапсодия цвета и света.
Природа меняет наряд.
Желтеющей веткой берёзы
Осенняя нота слышна,
Но нет ещё зимней угрозы,
Лишь прелесть прохлады дана.
Над Камою высятся своды,
Здесь так вдохновенно-светло.
Ещё разойдётся погода
И бабьего лета тепло.
Вода за денёк подогрелась,
И тело чуть-чуть холодит,
А солнца закат, как в апреле,
Над горизонтом стоит.
И будет всё дальше, к востоку,
Смещаться светило к зиме,
И в прорезь моих южных окон
Заглянет с охапкой примет.
На берег слетаются галки,
Качаются чайки вольней,
Вечерние догонялки
Устроили крачки к волне.
Одна я - закат провожаю.
По-летнему Кама светла.
Наутро я вновь уезжаю,
Чтоб к маю вернуться могла.
Последняя ласка лета...

Лишь солнце в новый день взойдёт на небе,

И лист раскроет нежную ладонь,
Ты вновь поймёшь, что не единым хлебом
Жива душа, а - вспыхнувшей звездой ,
Таинственной и сладостной, из детства,
И падающей - в первую любовь,
И нет мне чудодейственнее средства,
Чтобы согреть стареющую кровь.
И не твердите о фантоме счастья,
Озноб желаний, зарывая в быт,
Вам сердце, рвущееся на части,
О нём – нет – не позволит позабыть,
Считая счастьем яростность надежды,
Всевластие надзвёздной высоты,
Доверчивость души ещё безгрешной,
Сжигающую за собой мосты.
Ах, девочка-душа, лишь ты умела
Любить так яростно, что ничего не жаль,
И на крылах мечты к звезде летела,
Сияньем глаз, распахивая даль.
Сполна всё раздала и без оплаты,
И без надежд, как должен человек,
И отдавалась чувству безвозвратно,
Чтоб – на край света, и в любви – навек.
И редко, кто понять тебя сумеет,
Но ты прости его и пожалей.
Ведь, тот, кто и дышать порой не смеет,
Не может так любить нас на земле.
Лишь солнце в новый день взойдёт на небе...

Не считала нужным печататься –

Было всё - слишком кровным, родным.
Отболело - не нужно прятаться,
Было, не было ль - нет вины.
По достоинству жизнь принимала,
Не обидела никого,
И всегда честь, и совесть знала
Под печалью своей вековой.
И теперь, уходя, открою
Все волненья моих страстей,
И доверчиво я не скрою –
Была счастлива, как нигде.
Без печали – и счастья нет,
Попечальтесь со мной в ответ.
Не считала нужным печататься...

Мать слыла королевой умелой,
Королевою - стала я,
Главным в жизни считала дело,
А в делах, чтоб жила семья.
И был хлеб, а душе – ученье,
Чтоб коростой не заросла,
Да немножечко в жизни везенья –
Всю войну - невредимой прошла.
Боль войны затаилась в легких,
Обессилевала – в трудах,
Путь твой жизненный не из легких,
Но гордилась ты им всегда.
Раболепия, страха не знала,
Честь и совесть воздвигла в оплот,
Наставляла: «Вставай, коль, упала,
Не позорь благородный наш род,
Труд любую беду перемелет,
Будет счастье, где добрый хлеб,
И нет выше единственной цели,
Чтобы мир процветал на земле.
И трудись для него неустанно,

Чтобы не было только войны...»
Я такую ж, как мать моя, стала
И не чувствую в этом вины.
И за ней повторяю сыну:
«Хлеб лишь там, где и пот, и труд.
Лишь труды, что порой непосильны,
Счастье сытости нам дадут.
Лишь в труде обретёт человек
Свет достоинства – на свой век...»

Последнюю благую дань
Приносит нам золотая осень –
Ночей серебряную скань,
Багрянец утренних морозов.
И ясным золотом полны
Звенят в ветрах березы-звонцы.
На остром отблеске волны
По-летнему играет солнце.
Но холодна – густая синь,
Тревожно рек остывших ложе,
И сердце – холодеет тоже,
Стремясь к теплу, как птичий клин.
Раскрой ладонь – и ляжет лист,
Наверное, последний самый,
Что облетел под небесами
Под журавлиный ломкий свист.
Последнюю благую дань...

Теплынь, хоть август, солнце жжёт,

Речные воды не хладеют,
И пляжный тешится народ
Теплом впрок, на загар надеясь.
А те, кто с этим припоздал,
Сгорают, лёжа на полянке.
Из Камы, как на пьедестал,
Выходят девочки-смуглянки.
Щенок за галками бежит,
Что оккупировали берег,
Закамских далее синь дрожит,
И в холода – никто не верит.
А золотые облака
Светлы под солнечным потоком.
Я жду гостей издалека,
Спешащих в гости ненароком.
Они заехали на день,
Ну, максимум, на полнедели -
И закружилась канитель,
И дни, как в сказке, полетели.
- Прости – прощальный поцелуй.
- Дела. Им нет конца и края!..
Лишь ласка тёплых камских струй
Воспоминаньем накрывает.
Лишь долго будут вспоминать
Жар неба и сиянье Камы.
А я останусь снова ждать
И ворошить о встрече память.
Теплынь, хоть август, солнце жжет...

Природа спит, но воздух властно
В лесах струится голубой,
Стволы предчувствуют пристрастно,
Что время зеленеть листвой.
Пророс сквозь дёрн, тепло приемля,
Цветок головкой золотой.
Последний снег стекает в землю

Живой, прозрачною водой.
И невесома от цветенья
Льет верба золотистый свет,
Её безудержное рвенье
Порукой, что простор согрет,
Что лес безумствует бессонно
В затишье солнечных полян,
Бьёт током соков его лоно,
Где каждый атом страстью пьян.
Вновь все в природе повторится,
Как много эр до наших дней -
Невозвратимы только лица
Навек утраченных друзей.
Не повторится лишь прощанье.
О память боли, пощади...
Пусть лес трепещет в ликование,
Пусть хлещут тёплые дожди...

Здесь край мой - Родина навечно...

Я снова здесь - без звезд и званий,
Не вставшая на пьедестал,
Фасадной роскоши Казани
Предпочитая свой Чистай.
Когда-то прочили известность,
И жизни - будущий успех...
Но вызываю в сплетне местной
То ль состраданье, то ли смех.
Меня Чистай мой не запомнил,
Его сменявшей на Казань.
Таких, как я, ушедших - сотни,
И не вернувшихся назад.
Пройдя по жизни путь достойный,
Хоть лавров и не заслужив,
Казань и Чистополь застойный
Благодарю - за меру сил,
За то, что никому не в тягость,

Тружусь, чтоб трудный хлеб добыть.
Ну, а мечты, подобно стягам,
Нас окрыляют, чтобы жить.
Не тот солдат, чтоб генералом
Помыслить даже не посмел -
По жизни шла, открыв забрало,
На благо людям, в спешке дел.
И чтит мужество и совесть,
Нашед их или не найдя,
В Татарию вернулась снова,
Казань и Чистополь пройдя.
Здесь край мой - Родина навечно,
И память то всегда хранит.
И только здесь погостом вечным
Мне станет памятный гранит.
Лишь здесь - навек моя отрада -
Русско-татарский светлый край,
Где райской прозвучит наградой
Мне и гармошка, и курай.
Я снова здесь - без звезд и званий...

Волна живе́й — биения истоков,
Душа вольней — надмирного холста.
Как лист ,оставленный брожением соков,
На ветках вен горит любви звезда.
В ветвях, свитых осенним увяданьем,
Последней птахи здравица звенит.
Прикрой глаза, постой — и помолчи,
Открыв природы тайну оправданья.
Волна живе́й — биения истоков...

Мир вздрогнул — миражом у сопла,

И я душе смелеть велю -
Как мир прекрасен в своей нови,
И бьется жилка жаркой кровью –
Жива, хочу жить и люблю!

Ах, эти ели, эти ели,
Из сказки синие леса.
Они мечтой в пути синели,
С венцом луны под небеса,
С волшебной белкой - и орехом -
Дрожащей парусом хвоста.
Увы, теперь в них только эхо
Качает плоскостью листа,
Да крон тяжелое паренье,
Раскинутое в темный свод,
В часы туманных испарений
Струит по мхам прохладу вод.
Здесь отдыхаю – вечный странник,
Обретший край, в котором рос.
И не сдержаться от признаний
И от волненья жарких слез.
Ах, эти ели, эти ели ...

Рвалась опавшая листва,
Ветрами зимними гонима,
К ветвям – наитием родства
И памятью, застывшей в снимок.
Рвалась - изломана, тускла
В день невозвратнейшего блага...
О, если б повернуть могла
Жизнь вспять, хотя бы на полшага!.

Мы из Советского Союза

Порой презрительно покличут:
«Старик, уймись, твой путь - в маразм!»
О старость, встань на перекличку
Своих достоинств без прикрас.
Стояла Родина столетье
В тылу советских стариков,
А потому - хвала и честь вам,
А потому - хвала веков.
Нет прошлой жизни без издержек,
Их много и в советский год,
Но не было людей безгрешней,
Чем совестливый наш народ.
Советский - родственно совету
И совести на благо дел.
Старик советский - это светоч,
Геройство, труд его удел.
По чести жили, без религий,
Оставив Бога про запас,
И благородство чтили в книге,
И благородство чтили в вас.
Интеллигенция, рабочий -
Так мало разнились тогда.
И каждый гордо себя прочил
В герои жизни и труда.
Труд доблестью был бескорыстной
На благо всей страны родной.
Сегодня вас в разгуле «свиста»
Мечтает «облощить - крутой».
И тот в почете, кто «покруче»
Умеет обобратить людей,
И словно Крез, сидит на куче
Корыстных денег и идей.
Вся - разворована Россия,
Жирует важное ворье.
Вы, старики, ее мессия,
Вы - компас жизненный ее.
Вы трудно жили, но достойно,
Детей растили, жали хлеб,

И если пили, не запойно,
В застолье кратком, на гульбе.
А диссиденты, те, что были
Советским волком на страну,
Таковыми же «крутыми» были,
Старались удержать в плену
Под дых - разнузданной свободы,
Под блуд - бесстыдных слов и дел,
Чтоб дать грабителям народа
Законов новых - беспредел.
Не отходи, старик, в сторонку –
Честь - в сердце, в орденах одежд.
И пусть завидуют потомки,
Что был прекрасный мир надежд!
Мы вам, потомки, не обуза,
Мы - из Советского Союза!
Да, наше племя было свято,
Все этим сказано, ребята!

Закамский простор облаками обложен,
Гряда за грядою, как горы, стоят.
И в этой торжественной выси возможен
Всяк помысел тайный, что трепетом свят.
Их формы недвижно над Камой застыли
В безветрии ярко-лазурной тиши,
И, отраженные водами, стыли
На глади реки и на глади души.
Покоем небес сердце сладко объято,
Величьем пейзажа раскована мысль.
И строки текут вдохновенно-крылаты,
В причудах небес обретая свой смысл.
С судьбою находят они параллели,
Событий минувших застывший узор,
В них все, что увидеть еще не успели,
Взволнованно ищет задумчивый взор.
Жизнь прожита, что еще сердцу осталось!?

Волненья любви отсияли давно,
Но, все же, осталась – главнейшая малость -
В восторге вкушать вдохновенья вино.
В восторге я чудо небес принимаю,
В восторге – природы земной благодать.
Затем, ни богатств мне не надо, ни рая –
Сама я умею свой рай создавать.

Где мой город детства –
Кама, «сатраспрос»,
Окна в занавесках –
Венчиках из роз,
Чистая Берняжка
С выводком гусят?
Заросли дорожки -
Не вернуть назад.
Не вернуть кристальных
Камских чистых вод,
В каждом доме – Сталин,
Старикам – почет.
В деревнях – народу!
На лугах – стада.
Кануло, как в воду,
Или в никуда.
Опустели нивы,
Пьянствует мужик.
Город мой счастливый,
А на деле – «пшик»...
Молодежь – в загуле,
Третий – не у дел.
Нас, друзья, «надули»,
Вот в чем – беспредел -
Нет работы детям,
Двадцать лет война...
Кто за то в ответе,
Нищая страна?..

Где мой город детства...

Облака – грядой белейшей
В синеве закамских далей,
Купола над твердью грешной
Колокольным звоном звали...
И не стоит выбирать –
Облака иль купол вещей.
Мир –
 весь –
 Божья благодать,
Если мудро видеть вещи.
Бог –
 везде -
 в тебе –
 и в храме,
Лишь умей творить добро,
Отличать его от срама,
Понимать, что в мире – зло.
И тогда благою вестью
Поплывут в даль облака,
К тем очам, что ждут их встретить,
К водам, где их ждет река.
Где она рождает воды,
Уносимые волной...
Взнесены над миром своды
Храмов с бездной золотой.
Облака – грядой белейшей...

Божественная красота

И мат ядреный двух подростков
Вблизи соборного креста
Слились бессмысленно и просто.
И в том - вся человечья жизнь —
Взлетать к высотам, до восторга —
И напиваться «всвин» - «за жизнь»,
Сбежав от жизненного торга.
Когда в душе святого нет,
А человек до «зелья» падох,
Восторг любви сойдет — на нет,
Чтоб было легче ниже падать.
Но все ж, наступит светлый день
Прозренья, как он нищ и мерзок —
От идеалов только тень
Осталась да тупая дерзость...

Уползает свою обреченность
В ярость боли примять зверье,
Если пуля волчком крученым
Сердце в огненный ком совет,
Уползает от злого соседства
В инстинктивном рывке - дышать!
А поруганным чувствам - детство
Остается пощадой да мать,
Лишь ее материнская доля -
Охранять и посмертно сны.
Вечна память твоих ладоней,
Что касались, любви полны,
Память пальцев твоих узловатых.
Их в ладошки свои я брала.
До конца поняла рук тех святость,
Когда жизнью - свои обожгла.
Уползает свою обреченность...

Вот, мои сугробы детства,
Вот, моя родная улица,
В них глядеть – не наглядеться,
От снегов счастливо жмуриться.
Белизной сияют снежною,
И мечеть поодаль высится.
Детство – сказку мою нежную
Не вернуть и - не приблизиться.
Солнце стынет в вешних лужицах...
Счастье – ах! - как было близко...
Небо высотой закружится
И снегами ляжет низко.
Не достать – ни взглядом, помыслом
Счастье дней неторопливых.
Ну а мне – под Божьим промыслом
Жмуриться в снегах счастливо.
Вот, мои сугробы детства...

Письмо сыну.

В полнеба – дождь, слепая морось,
В полнеба – солнца яркий свет,
Полгода мы с тобою порознь,
А, кажется, миллионы лет.
У Камы дни я коротаю,
Ты – в знойном мареве пустынь.
Я о тебе, сынок, мечтаю,
Тревожусь о вещах простых –
Как спал, что ел, кто б - не обидел,
Как создаешь свою судьбу,
Чтоб в жизни счастье ты увидел,
И «завязал» - свою гульбу.
А за окном пылает осень,
И золотой летит простор,
Где лес – листвы еще не сбросил
И озимь пашен нежит взор.
Тоскуя, выезжаю в гости,

Чтоб скоротать постылый день,
И впечатлений щедрой горстью
Осыпать вынужденный плен.
Проносимся по быстрой трассе
Меж пашен, речек без примет,
И по мосту, что так украсил
Сорочьих гор крутой хребет.
Волна рябит на Камском Устье
В бескрайней шири берегов,
А в поднебесье клином гуси
Летят в предчувствии снегов.
Летит осенней панорамой
В глаза запылавший мир.
Над Камой – грандиозной рамой
Небес сияющий эфир.
Луч солнца, облако прорезав,
Сверкает в ряби камских вод
Серебряным богатством Креза.
По ним буксир сплавляет плот.
О красоте родной природы,
Сынок, люблю я говорить,
И живописнейшие своды,
Воспев в стихах, боготворить.
Она тебя мне заменила,
С ней - легче от тебя вдали,
Свои мне тайны приоткрыла,
И ты им вслед за мной внемли...
В полнеба – дождь, слепая морось,
В полнеба – солнца поздний свет,
Полгода мы с тобою порознь.
А, кажется, миллионы лет...

И годы давят тяжким грузом –
Ушедших много, их не счесть,
Тех – из Советского Союза,
Что принесли вам мир и честь.
Честь - бескорыстно правде верить,
Честь – бескорыстно мир любить,
Честь – добротой поступки мерить,
Прощать, надеяться – и жить...

Закамье золотом горит,
Средь зелени пылают кущи.
Очнись на миг – и посмотри -
Мой мир навек один из лучших.
И пусть он создан лоном грез
И ждет восторженных признаний,
В нем снов покой и ярость гроз
Слиты немыслимеейшей гранью.
Синь далее в сером сонме туч
Венчают радуги – от солнца.
В них предзакатный поздний луч
Фейерверком праздничным взорвется -
Венец в полнеба, на восток,
Торжественным концом к собору.
Здесь мой конец, здесь мой исток –
Прикамье, явленное взору.
И нет мне Родины – родней,
Чем горизонт над вечной Камой.
Пройдет здесь мой остаток дней,
И я счастливой стану – самой.
Закамье золотом горит...

Весна и осень возвращений

Жизнь птиц замкнули в вечный круг.
Сродни мне те перемещенья,
Но где мой север, где мой юг?
Мне свят тот краешек земли,
Что виден был из колыбели.
Над ним надежды облетели,
И грозы вешние прошли,
И солнце – первое, мое,
Играло с стаей голубиной.
Там мой исток, мои глубины,
Любви и счастья окоём.
Там мирен прах моих дедов.
Благословляю эту землю.
И родственность ее приемлю
Святою азбукой основ.
Весна и осень возвращений...

Мерцает поздняя звезда
Тревожным блеском краснотала
На слюдяных пластинах льда,
Сковавших ток потоков талых.
И золотятся, как агат,
В кристаллах льда по перелескам
Проталин бурые бока,
Чуть с прозеленью листьев дерзких.
И воздух – зыбкий, как настой
Из летних рос и снежных хлопьев,
Еще не тронут теплотой
Лучей, косящих исподлобья.
Но разлит в голубых полях
И в лапах засиневших елей
Знак, что проснулась мать-земля –
Чуть уловимый запах прели.
Мерцает поздняя звезда

Мне в жизни слов святее не найти –
Земля родная, мать и ожиданье,
Извечное, как позднее – прости
В навеки опоздавшее свиданье.
Не искупить своей вины ничем.
Мы жизнью виноваты пред ушедшим.
Лишь звезды изнуряющих ночей
Бесстрастно оживают над прошедшим.
И тихо лист слетает – не зови –
Готовый - вслед лететь за облаками.
И нет забвенья, не закрыть руками,
Словно лицо, мне сердце от любви.
И схожа осень с раннею весной
Нежарким, отрезвляющим дыханьем,
Сияющей небесной глубиной
И светлой маятою ожидания.
И вспомнит сердце тихий городок,
Завейанный зимой до крыш снегами,
И бабушкин изношенный платок
Над худенькими добрыми руками.
Мне в жизни слов святее не найти...

Закамская осень – дожди обложили,
Просвета на небе дождаться невмочь.
И, вспомнив, как солнечно лето прожили,
День краткий, всплакнув, укрывается в ночь.
Леса затянула дождей паутина,
А воздух так влажен, что трудно дышать.
Читаю я редкие весточки сына -
Мол, все хорошо, чтобы снова их ждать.
Мальчишка от жизни так многого хочет,
Еще не умея себя отдавать.
Дождь громкою дробью по крыше грохочет,
А солнце не хочет под утро вставать.
Сынок, потерпи, уж я скоро приеду,
Наладится жизнь, наконец-то, Бог даст,

Наполнится смыслом и солнечным светом
В краю, где забыли сметать снежный наст,
Где зимнее солнце - весеннему впору,
Зимой вместо снега дождем моросит,
И мартом венчает цветения пору,
И солнца так много, что сердце болит.
И вот, так и будет - Закамье по лету,
Зимой – волгоградская слякоть в ветрах.
А ты, дорогой, по уму да совету
Иди по дорогам надежд и добра.
По чести учись свой кусок добывать,
И станет подмогой тебе- твоя мать.
Закамская осень – дожди обложили...

Это – мои грезы, это – моя боль,
Светлые березы, юная Ассоль,
Алые надежды, свежесть парусов.
Счастье мое, где ты? Я все та ж, как сон.
Только постарела, мне – за сорок лет,
Нежность не сгорела, и в душе рассвет,
Только чуть подернут в палевый дымок,
Взгляд, что тянет в омут, в седину – висок,
Только все грустнее вглядываюсь в даль –
Там горит на рейде алая печаль.
Это – мои грезы, это – моя боль...

Праздничная служба – под Покров,
Колокольный звон над синей Камой,
Купола белейших облаков
Гонит свежий ветер на Закамье.
Синева небес, под стать волне,
Светом озаряет белый камень.
Храм соборный в солнечном огне

Ослепителен, в небесной раме,
Отмолила сына от беды:
«Помоги о Боже, парню в жизни,
Поддержи и дай мне слов простых
Избежать сердечной укоризны.
Выпрями ,– молила, – все пути,
Дай чуток порадоваться свету».
Ну, а счастье – где его найти?
Не было и нет на то ответа.
Праздничная служба – под Покров...

Стара, а сердце не остыло
За длинной чередой лет,
И горько, что не позабыло
Весенний запалённый бред.
Пронзило душу отголоском
Тех невозвратных боле дней,
Когда она святой березкой
Светилась тихо по весне.
Когда лишь звёзды мне пылали,
И освещал зрачки закат,
И губы нежные дрожали
В слезах разлуки невпопад.
И как мечталось о покое,
Когда в любимых – рядом мать,
Лишь материнскою рукою
Печаль обид легко унять.
Как мало нужно нам измлада –
Всего лишь ласка и покой!
Чтоб не промчалась без отрады
Жизнь – под нелюбящей рукой.
Стара, а сердце не остыло...

Неуютно и глухо в лесу -

Смерчи вьюг задыхаются ревом,
Кружат белым волчком на весу,
Опадая морозным покровом.
Словно эти теченья пурги –
Реки мрака и бренного срока,
Бросишь камень – и даже круги
Не пойдут по поверхности рока,
Словно ветка – не помнит листок,
Так все холодно, так все остыло...
Но какою незримою силой
Округляется почек виток!

О это половодие дождей,
И радугую небеса – в ресницы,
И жаркий пульс, звенящий в высоте,
Что задают трепещущие птицы,
Как странно-далеки они в тот час,
Когда любовь разлучена с душою,
Как тяжек омут разлюбивших глаз,
К тебе, раскрытых отрешенно.
О это половодие дождей...

Угловатую гибкость плеч,
И волос – некрутой виток
Память детства смогла сберечь,
Словно влаги живой глоток.
Опалило –
 навеки –
 враз –
О, как был ты и мил, и люб –
Серой роздымью ясных глаз,
Светлым трепетом юных губ,
Чтоб навек засиял мой путь

Новорожденным хмелем трав,
И листвою, отрешённой от пут,
Расплескавшейся в ветрах.
Угловатую гибкость плеч...

Тебя родней – не знаю я...

Скрипят снега под шагом сухо,
Кругом – покой и свет луны.
Плывут, как сказочные духи,
В морозном блеске звезд дымы.
Мне хорошо сидеть у печки,
Забыв, что на дворе мороз,
Следить в неверном свете свечки
Игру заиндевеливших роз,
И слушать тяги гуд веселый
Да в ожидании блинов,
С дымком, горчащим, как с посолом,
Лишь думать сладко об одном –
Есть – ты да – я, моя родная,
И в этом - смысл весь бытия.
Земная, грешная, святая,
Тебя родней – не знаю я...

О сжался, милый, надо мной.
В своей застенчивости нежной
Я обходила стороной
Тебя, томясь, как птица в клетке.
Лишь ты встречался на пути –
Свет мерк от яростного жара.
Тебе бы взять – и не сойти,
Какая получилась б пара!
Была б рабыней я в ночах,
А в свете дня - богиней неги,
И сын с улыбкою в очах

Благословил любовь навеки.
Тебе бы взять – и не сойти...

Под гордым знаком красоты
Глаза мои, как отрицанье.
В них – полномочие мечты
И безнадежность обладанья,
В них – рабство и мятеж святой,
И человечности весомость,
И тяжесть всех людских крестов,
Во имя счастья вознесенных.
Под гордым знаком красоты...

Господь пошлет мне снегом – благодать,
И от тоски по счастью и по детству -
Я излечусь – и, где не знала мать,
А полюбила всех, кто по соседству.
И бабушки безмерную любовь
Мне с нежным снегом память возвращает.
Хоть беден был ее убогий кров,
Но как он дорог мне – лишь сердце знает!
Любовь осталась в детстве - и никто
Не дал мне той заботы и участия.
И вряд ли будет знать мой сын крутой
Простых касаний нежности и счастья.
Пора идти домой, пора в тепло идти –
Нельзя быть долго на сквозном морозе.
Прекрасный мир мечты, прощай, прости!
Я уйду, в снегах оставив слезы.
Господь пошлет мне снегом – благодать...

Юным прекрасным подругам.

Я гляжу на осенний закат,
Что так ясно и мирно пылает,
И душа, как всегда, ожидает
Чувств девически-юных назад.
Возвращает к счастливым часам,
Когда ждали от жизни мы чуда.
Голосами надежды – оттуда,
Вновь подруги со мной говорят.
От счастливых девических слез
Так светлы были темные ночи.
Наши ж дни – все темней и короче,
Но светлей – память в отблеске гроз.
Как глаза безмятежно сияли
Невозвратно-прекрасных подруг,
Как рук девичьих полукруг
Над ушедшим – венцами стояли.
Я гляжу на осенний закат...

Подругам юности

Вымирает поколение седых,
Славных, милых моих девочек - святых,
Чистых – светлою высокою душой.
Век святой их чистоты давно прошел.
До могилы преданных - друзьям,
Беззаветно – матерям своим, мужьям.
Что осталось внукам от святых их дел?
Ничего! – циничность тех – удел.
Это их экран расстреливает в лоб
И поит помойкою, захлеб,
А святую женскую любовь
Грязным сексом испоганил, в кровь.
Где вы ясные, счастливые глаза?
Где блеснет стыдливости слеза?
Нет и нет и снова – нет и нет,
А с экранов – детский секс в ответ.
Вымирает поколение седых...

Средь волн, качавшихся лениво,
В наплывах озаренных туч
Заката трепетное диво
Мне подарил последний луч.
Его сиянье золотое
Зажгло зеркальную струю,
И солнца яблоко литое,
Как Евы яблоко в раю.
И сей румяный плод заветно
Во искушение дев земных
Порой закатной и рассветной
Спускается на гладь волны.
А девы, сорванным не тешась,
Земные Евы, до конца,
Судили громко и поспешно
Причуды вышнего Творца.
Того и ведать не желая,
Что тот - желаньем их обжег,
Хотя б на миг коснуться рая —
И солнца яблоко зажег...

Снег залег, словно зверь в осаде,
В мшистых днищах лесных низин,
И взмывают над каждой пядью
Изумрудные стрелы осин.
И такое царит безмолвье,
Словно звук отлучен от земли,
Словно миг в озаренье молний
Затянулся на ползимы.
И не зимнею талостью тянет
Южный ветер, межствольем бредя,
И снегами, где легкие сани

Колеею полозьев блестят.
Но зиме тишина – не помеха.
Стужу сменит июльский зной,
Звук рассыплет лесное эхо,
А безмолвью конец – весной.
Снег залег, словно зверь в осаде...

Опять бестравие проталин
В оседлой грузности снегов
Сливают радугой хрусталин
Дожди из вздутых берегов.
И снова брызжутся пригоршней
В зрачки, где зимнее метет.
И нет и сладостней, и горше,
Чем их весенний перелет,
Чем миг, когда встречают грудью
Весну умытые леса,
И на ветвях – живую ртутью
Дождей счастливая слеза...

Радуга – ликующее диво,
Светоносный, трепетный венец,
И всему, что ясно и счастливо -
И начало, и уже конец.
О любовь, ты – радуги осанна,
Хрупкое слиянье двух начал.
Те челны, что были неслиянны,
Лишь в тебе - находят свой причал.
Радуга – ликующее диво...

На синей стыни камских вод
Волна барашками играет,
Стрижей мелькающий полет
К теплу недавнему взывает.
Как резко жар небес остыл,
Как ветер северный холоден.
Тепло, что август сохранил,
По голой коже робко бродит.
Лицо водица обожгла,
Ожог огнем бежит по венам.
Река в осенний плен сдалась,
Но брызжет еще теплой пеной.
И небо облачной волной
Еще синеет в ласке солнца.
Год доживать теперь одной –
Остыла Кама - свет в оконце...

Ах, жар-березы, ах, цыганки
В круженье юбок, как в кострах,
В монистах северной чеканки
Пылают на семи ветрах.
И листьев позднее горенье
Тем ветром сброшено навзничь
Изорванной, шуршащей сенью
Под журавлиный ломкий клич.
А эти девки-озорницы,
Ветвей подвязки распустив,
Смеются влажно, сквозь ресницы,
Лепечут ласково – пусти.
И знаю, что душа лесная
Тебя приветит, юный бог,
Ветвями сладостно стеная,
Скользя по теням твоих ног.
Ах, жар-березы, ах, цыганки...

Взорваны давно - и разбежались

Наших душ галактики и лет,
Лишь сияет трепетная малость
Памяти – насущный жесткий свет.
Свет необходимости и муки.
Без него не выжить сердцу дня,
Детства свет, где старенькие руки
Научили ожидать меня.
Взорваны давно - и разбежались...

Я гляжу в стариковские лица,
Ищет сходство с подругами взгляд.
Вот – оно! Или только мне мнится?
Но и сходству случайному рад.
Вы, ушедшие в вечность, подружки,
И не встреченные в жизни мной,
Помяните в раю старушку,
Как и я помяну вас порой.
А берёзы – охапкою ветра
Мне швыряют листву, словно дар.
Нас года развели, километры,
Всех, кто так безнадёжно стар.
Я гляжу в стариковские лица...

О роз роскошная небрежность
В тугих объятьях лепестков,
Осознанная неизбежность
Хрустальных иль иных оков.
Садов невольницы немые –
Для нег, для взоров, для услад.
А мне - милее озимые
Под первый тихий снегопад.
А мне - милей в разгаре лета
Луны мерцающая прядь,

Полуулыбкою привета
Дарящей рощам благодать.
Не обессудь, о лик прекрасный,
Что знойным прелестям твоим
Предпочитаю с болью страстной
Прозрачное безмолвье зим.
О роз роскошная небрежность...

О Камские мотивы
Под синевой небес-
Там чаек зов крикливый
Встречает сонный лес.
Речной зеленой мглою
Он дышит по утрам,
Блится наготою
Святая детвора.
Под блеск волны прозрачной
И отблеск золотой
Все в мире – однозначно:
Лишь радость и покой.
И тело негой дышит,
И взгляд истомой полн.
Миг - вечностью услышан
На кромке слез и волн.
О Камские мотивы...

Хвала советской интеллигенции...

Растил Союз нас для труда,
Но дал дворянскую культуру,
Облагородил навсегда
Рабоче-крестьянскую натуру.
И помня знати этикет,
Знал каждый школьник честь и совесть.
Был каждый - зодчий иль поэт,
Духовностью своей особен.
Век доживает прежний люд,
Что из Советского Союза.
И кто на смену им придут,
С каким интеллектуальным грузом?
Учились в школах мы на «пять»,
И без компьютерных подсказок.
Теперь не может школа дать
Вам грамотность - не по заказу.
С дипломом неучи сидят,
А без компьютера - невежды,
Книг не читают, не хотят
Ни думать, ни учить, как прежде.
Им вся надежда на «блатняк»,
Оценки сходу покупают.
Студент, какой же он бедняк,
Что гнусной лени потакает.
Пивнушки, девки, грубый секс-
Как пошло это - грязно, мерзко!
Стал смыслом главным - для повес,
Похвастаться валютой веской.
И кто богаче, тот «умней»,
Хоть нагл и груб, и всем - обуза.
Горда я - до последних дней,
Что из Советского Союза...

Не знаю, как и что пишу,

А напишу, дивлюсь, как чуду.
Всю жизнь отчаяньем грешу,
А тешусь - сладостной причудой.
Всю жизнь, надежду позабыв,
Довольствуюсь лишь вкусом хлеба,
А в ней – полет, как зов трубы,
А в ней – сияющая небыль.
Спасибо Господу за дар,
Что так меня утешить может,
Что в светлых строчках млад и стар
Созвучны мне порой - до дрожи.
Спасибо свету, что в закат
Багровым золотом нальется.
Теперь мне нет пути назад,
Мне все – поэзия и солнце...

На чёрных ветках - чёрные вороны,
И влажно дышит чёрная земля.
А за дождями промельком бессонным
Встает зима - венцами хрусталя.
Кристалльным блеском вспыхнут водоемы,
Сосулькой звонкой родничок забьёт,
Снега и свет в паденье невесомом
Отправятся в счастливейший полет.
В ладони наберу прозрачной влаги,
И сладко сердце холодком зайдет,
Забытой, детской, дерзостной отвагой
Упьюсь в блаженстве чистоты и вод.
Как будто детство из безмерной дали,
Вернулось на заветные круги,
И все, о чем так трепетно мечтали,
Вновь ожило под памятью руки.
И вспомнила тебя, моя родная,
Из райских кущей ты бредешь ко мне,
А я – к тебе, счастливо зная,
Что суждена нам встреча в тишине

За смертным мигом невовратно-близким,
Там будет нам, о чем поговорить.
И ты, с непозабытою улыбкой,
Позволишь рядом с тобой – вечно быть.
На чёрных ветках - чёрные вороны...

Ожидание встречи - ожиданьем разлуки
Заменила надежда на склоне годов,
Но тяну я, по-прежнему, грустные руки
К свету дня и к звезде полуночных ветров.
И, по-прежнему, сердце надеется встретить
Предназначенный Богом заветный обман,
Чтобы было кого - и любить, и приветить,
Чтобы было о ком - пить молитвы дурман,
Чтобы было кому – ко мне сердцем тянуться,
Чтоб глаза дорогие не прятали взгляд,
Чтобы было куда , утомившись, вернуться,
И быть встреченной вновь, без богатств и наград.
Ожидание встречи - ожиданьем разлуки...

А ночь – в июне коротка.

Вечерним солнцем осиянный
Деревьев вековой покой
Связует в цепь закат багряный
С людскою грешною землей.
Творца безгласые созданья
Легчайшим вздохом ветерка
Прохладу льют на луг и зданья,
А ночь в июне - коротка.
И не остыв в ночной прохладе,
Проснется город над рекой,
Чтобы в покое и в отраде
Продолжить век свой трудовой.
Вечерним солнцем осиянный...

Ты рождена прослыть поэтом,
Хоть безискусна и проста,
Хоть жизнь твоя трудна при этом,
Но мысль – достойна и свята:
Хранить до смерти идеалы
Любви, надежды и добра,
Довольствоваться в жизни малым,
И тешить душу, что мудра.
И тешиться, что сохранила
Святую душу в мире зла,
Но никого ты не любила,
Лишь потому-то – и спаслась.
Ты рождена прослыть поэтом...

А травы – пели, словно скрипки,
Смычки стеблей вздымая в синь
По струнам солнечной улыбки,
И сладко таяла теплынь.
И в дымке оголенных пашен
Незримых птах – чудной язык
Гремел, торжественен и влажен,
И по-земному многолик,
Когда под выстрелом жестоким
Строй гармонических начал
И импульс жизненного тока
Сметен был, как в ненастный шквал.
И всхлип пичуги подстреленной
Знобил причастностью к вине
За дисгармонию Вселенной,
За плач – на лопнувшей струне.
А травы - пели, словно скрипки...

О, как листы качает - в дрожь!-
Стремительным наскоком влаги.
Грохочет изумрудный дождь
На барабанном дне коряги.
Он шаловлив, словно малыш,
Которому вся жизнь, чтоб прыгать.
И льется дождик с красных крыш
И норовит под зонт запрыгнуть,
Влететь в тугой прищур ресниц,
Расплавить взгляд улыбкой сочной,
Омыть усталость строгих лиц –
И детство возвратить бессрочно.
Качают листья тяжело
Дождинки – по одной – на каждом,
И пахнут остро и тепло
В сознание утоленной жажды.
О, как листы качает ...

Вновь оглушенную безбрежность
Речных зеленоватых вод
Пронзает вечностью небрежной
Слепящий прочерк острых звезд,
Вновь – лун изогнутым клинком
Ее волну на миг тревожит,
И ветер, памятью влеком,
Исходит в ней рассветной дрожью.
И розы зреют, как уста,
Еще не вспыхнувшие страстью,
На скалах, в зелени куста,
Гордясь младенческой властью,
И жилкой выложен узор
Дурманящей горячей плоти -
Пейзажный вид Сорочьих гор

С речною чайкой на излете.
Вновь оглушенную безбрежность...

О сны, подобные волне,
С незрячестью высот в глазницах,
Милей мне те, в чьей вышине
Гнездятся солнечные птицы,
Над пашней к звездам – жеребцы
В протуберанцах грив взлетают,
А в сердце – осень золотая,
И камской радуги венцы.
И странно, для чего живу,
Смеюсь захлеб иль плачу яро,
Коль время высечет канву
Морщин внатяг – под стон гитары?
Надсадно, грубо, на разрыв,
Без жалости и сожаленья.
А в сердце боль – за взрывом взрыв,
И вечный зов преодоленья.
В нем – средоточие концов.
Жизнь отгорит, как лист под ветер,
И детства светлое лицо
Последний миг ее не встретит,
Вдох вдохновенный опадет
Игрой случайностей вселенских,
Моделью жизненных высот
На уровне молекул энских.
Бесследно канет в смерти тлен,
Но знаю, в смене превращений
В грядущем вздохе – мой, как ген,
Вновь оживет порой весенней.
О сны, подобные волне...

Уж близок день, рождающий сиянье,

Трепещет лист, благоухает лес
И предрассветно дремлет в ожиданье,
Чтоб солнца луч над веткою воскрес,
Чтобы восславить ясной песней птахи
День жизни на истерзанной земле,
Чтоб призрак боли, как ночные страхи,
Остался данью – полуночной мгле.
Поток живой искрится на ладони,
В лиловой дымке мяты склоны гор,
И этот миг – просвечен, принят, понят,
И лишь ему – мой вдохновенный взор.
Уж близок день, рождающий сиянье...

Со дня рождения – до смерти
Во власти трезвости разумной
Мы, дети вечной круговерти,
Страшимся чуда, как безумья.
Но где-то вдруг, на перепутье,
Забыв об этом, чуда жаждем,
И рвем осознанности путы,
Чтоб не сгореть в душевной стражде.
И вновь к безумью утешенья
Мы припадаем, как к истоку ...
О, это жалкое мгновенье,
Возложенное жертвой Богу.
Со дня рождения – до смерти...

И эллипсоиды ветвей
Качали звезды, здесь, в лесу.
Они ломали свет сторожко,
Теней скользящие дорожки
Парили птицей на весу.
И луч энштейновски-весом,
Сгущался влажно и ребристо

Росой – туманно-серебристой,
Зачатьем лунных хромосом.
Он, мчаться вечностью устав,
Рассыпался в цветущих травах,
В неумолкающих дубравах,
Венчая жизни пьедестал...

Опять лепечут мне мечты,
Громоязычье изживая,
Что в полночь в свете бересты
Сердца-каменя оживают,
Что озаряет тихо вновь
Безбрежность голубого поля
Неясной, утренней луной
На ограненном звездном сколе,
Что счастлив тот, кто в удаль – смел
И часом – заменяет вечность.
Но дважды благостен удел
Тех, кто был музою отмечен.
Опять лепечут мне мечты...

Снегирями вызрел лес,
Снежным плеском крыл сорочьих ,
И ветвей морозный треск
Взрывчатей и суше к ночи.
Снег заоблачных теснин
Тронул шевелюру веток
Светлым холодом седин
И игрою лунной света,
Голубеет на домах
Сутью вещей предисловья
К незаконченным томам
Зимнего немногословья.
Снегирями вызрел лес...

Отчаянной игре в слова
Мне нечего – взамен предложить.
Пусть худосочная молва
Возьмет за труд их подытожить.
Мне ничего не изменить –
Жизнь голубицею не кружит.
И незачем судьбу винить,
Что стал далеким и ненужным.
Так круто сделан поворот,
Что по инерции – друг друга
Сминаем мы, и не вернет
Нас ложь – спасительностью круга.
В сосредоточье дум и дел
Таит стремительность движенья
Жестокий, но благой удел –
Неповторимости мгновенья.
Мне ничего не изменить...

Колокольчики, ромашки –
Благовест погожих дней,
Звон волнующихся пашен,
Зной полуденных лучей,
А под кронами густыми
Веет свежестью лесной.
Здесь росинка искрой стынет
На ромашке золотой.
Воздух прян, и взгляд беспечен,
Земляники сочный рот
Манит сладостью извечной,
Ненасытностью щедрот.
Жизнь - прекрасна, дали - сини,
Птицы славят новый день,
Мирный день моей России,
Счастье - в сердце и везде.

Колокольчики, ромашки...

А небо дышит влагой облаков.
Они плывут задумчивой грядою
Над зеленью распахнутых лугов
Под пересвисты соловьёв бредовых.
Как светозарен этот зыбкий свод,
Как освежает он лесов дыханье —
Душа полна любви и ожидания,
И снова счастья, словно в детстве, ждёт.
С небес прозрачных льётся синий свет,
Играет лёгкой тенью на листве.
И одуванчиков ликующий привет
Сияет жарким отсветом в траве.
И облака загадочной толпой
Спешат под свежим ветром в ясный край,
Где сладкий зов кукушки роковой
Мне обещает целый век добра.
Душа полна любви и ожидания...

Когда б - не ты, не знала — нет!
Как светел бор в сиянье звёздном,
Как сосны светятся тревожно
Светлейшим жаром прошлых лет,
Мне б не узнать прохлады мхов,
И нежных тел прикосновенья,
И знойного благословенья
Моих бесхитростных стихов.
Когда б - не ты...

А звёзды нежностью горели

В твоих глазах, глазах моих,
Любви заветные свирели
Немели на устах твоих.
И память разметала веки
Пустынных троп из никуда ,
Как нежеланные помехи,
Что рушит талая вода,
Шальная, дерзкая, слепая,
На взрыв, сметающая наст.
И я - в который раз!- не знаю
Тебя, забытого не раз,
Но незабвенного, как дали,
Заброшенные в звездопад,
И если б снова – шанс мне дали,
Всё повторила б, как обряд.
А звёзды нежностью горели...

Снежный вечер – нежность плачет,
Приручённая почти,
По твоим рукам мечтает,
Вспоминает трепет губ.
Сердце бьётся, сердце скачет,
Словно мячик ошалевший
И заигранный мальчишкой,
Что и дерзостен, и груб.
Нежность, глупая малышка,
Растревоженная лаской,
Успокойся, всё пройдёт.
Боль снежинкою растает,
Грусть, как облако, умчится,
Вновь весна для нас наступит,
Сердце радостно вздохнёт,
Снежный вечер – нежность плачет...

Мы остаёмся молоды,
Пока мы откровенны.
Мы устаём от прошлого,
А будущего – нет.
Не светят нам полярные
Сияния под звёздами,
Занесены снегами
Цветы моей судьбы.
Но как порою хочется
Их оживить участием,
И ликованием солнечным
Пьянящих майских дней.
И ждёт душа заветного
Сияющего, страстного,
Такого долгожданного
Привета твоего...

Вешний цвет осыпается пряный,
Молодые сияют ветра,
И тревожно немножко, и странно
Умирают соцветья костра.
Отгорели, отгрели, лишь пепел
Иногда дрожью искры сверкнет.
Так и ты для меня – был ли, не был?
А весна - лепестково цветет.
Отсияет цветковая замять,
Отрыдает в ветвях соловей.
Что проявит нам зоркая память
В фотографиях звездных ночей -
Нежность трепетную причастья,
Недоверья истаявший лед
Иль полынную горечь - участием
К синим птицам, не взмывшим в полет?
Вешний цвет осыпается пряный...

Какой рассветный час – луна стоит высоко,
И небо в птицах, словно в звездах ночь,
И дышится так сладко и глубоко,
Что отступает боль и мука прочь.
Душа легка – тобой переболела,
Остыла боль, чуть тлеет, как свеча.
Я приказала памяти, велела
Забыть и радость встреч, и всех разлук печаль.
И память уступила – нет свиданий,
Как не было, и нет - обид разлук.
Вот и прекрасно! Пусть душа светает,
Как на восходе неба алый круг.
Какой рассветный час – луна стоит высоко...

Сквозь россыпь южных горных звезд
И блеск осеннего цветенья
Мне снятся млечности берез
В морозном утреннем томленье.
Мне снится - реют надо мной,
Над временем багряных листьев
Бездонной влажной синевой
Ветра закамские, со свистом.
В них - блещет тихая звезда –
Она из детства, как из сказки,
Доверчивостью глаз чиста
И радостью весны и Пасхи.
Мне мил до страстных знойных слез
Родных лесов уют нехитрый
В сиянье меркнущих берез
Неброской северной палитры.
Сквозь россыпь южных горных звезд...

Будут дни, словно сказка,

Будут дни, словно быль,
И забудется ласка,
И примнется ковыль,
И наполнятся руки,
Искрометным дождем,
И забудутся муки,
Чтоб напомнить потом
О журчащем потоке
Из прозрачных небес,
Чтобы вылиться вздохом
И умчаться к тебе.
Будут дни, словно сказка...

Все те ж знакомые дорожки
И тот исхоженный лесок,
Где ивы узкие ладошки
Ласкают солнечный песок,
Те ж травы ластятся к коленям,
И небо в лиственной резьбе
Бездумно облачные звенья
Свивает, словно на гульбе.
И так же волны в час предзвёздья
Несут покой, врачуя сном,
И пряный дух цветочных гроздьев
Хмелит, как старое вино.
Лишь я не та, что прежним летом
Под звездным блеском в вышине.
Нет, я не то, чтоб безответна,
Но мне – тревожно в тишине.
Все те ж знакомые дорожки...

Весна – безмолвие лесное,

Лишь поцелуем по щеке
И солнца лаской озорною
Метнется луч невядалеке.
И мягко ветками колышет
Вербняк, приспущенный в снега,
И сердце – влажно, тёмно дышит,
Как льдом смирённая река.
Но льдам – подняться скоро дыбом,
Реке – открыть свой непокой,
А сердцу – снова делать выбор
Между свободой и тобой.
Весна – безмолвие лесное...

В изломе туч
Синеют звезды матово,
Припудренные
Изморозью ватною,
И на дороги
Ветром под колеса
Сметает листья,
Свитые морозом...

Кто сердца близкого не знал,
Тому весь мир – родная вотчина.
Лишь тот, кто друга потерял,
Жизнь измеряет одиночеством.
Того – не тешат ни весна,
Ни роши лет, ни ночи таинство...
Плати друзьям своим сполна,
Чтоб одиночеством не маяться...

О муза, в тихих обещаньях

Пленяешь сердце насовсем
Тоской неясною признаний
И повтореньем вечных тем,
Ценя вдвойне, что мимолетно,
Звезды и поцелуя звон,
Осколок счастья, чувство взлета
У рук, поющих в унисон,
И шепот губ, желаньем властных,
Счастливых взглядов перелив –
Спешу, когда густеет ясность,
Я в твой врачующий залив.
И под твоим бессонным светом,
Что лик в безмолвии простер,
Мечты свои делю и беды,
Как должно у родных сестер,
И чувства пыл, и сердца зоркость,
И оголенность грустных глаз.
С тобой прощаюсь я на зорьке,
Чтоб встретиться в вечерний час.
О муза...

Солнце, как яблоко – спело.
Было ли это так? -
Только в снегах серо-белых
Шел сосняком большак,
Только тугим накалом
В дымке вечерних сфер
Сосны, как вин бокалы,
Подняты были вверх,
Только мне ясно стало,
Если коснуться их,
Солнце – смолою алой
В мой перельется стих...

Прощанья, встречи, ожиданье –

Вся жизнь – сплетением тревог
Обложена, как будто данью,
В стыковках жизненных дорог.
Ах, их тернистая изнанка!
Неловкий шаг – и боль утрат.
Шлифуется, словно в огранке,
Алмазик сердца в бриллиант.
И все бесценнее неброской
Он многогранностью простой,
И каждого, кто не отбросит,
Сменяв его на блеск пустой
Стекляшек, что так грубо ранят
Крикливостью, будто спьяна,
Одарит он неожиданной гранью –
И высветлит – всего, до дна...

Опять сквозящий ветра круг
Скрутил степное бездорожье
Возвратом отхлеставших вьюг
И солнца рыжею порошей.
Но сердце помнит наизусть
Приметы весен – жилкой каждой -
И вдохновеннейшую грусть,
И губ отчаянную жажду.
И потому ветрам назло
Горит в гортани оголенной
Капли мартовской тепло
Под свист метели убеленной...

Не обещанием счастья,

Что пустоцветом повито —
Смутным предчувствием боли,
Что вызревает в крови,
Кружит по чьим-то судьбам,
Словно бы по орбитам,
Брошенное в пространство
Сердце — планета любви.
Мчится сквозь жизнь упрямо
Это моё созвездье,
Трудно и одиноко,
Веря наверняка,
В встречу на той планете
Любящегося сердца,
Что суждена - судьбою
Так же, как стык векам.
Не обещанием счастья...

Мне тихая радость дана
По взглядам читать ваши лица
До глуби, до самого дна,
Листая, как в книгах страницы.
И звонкая радость дана
Следить, как апрельские льдины,
Что гонит речная волна,
Дробятся в порыве едином.
И грустное счастье дано
Ловить вдохновенье ночное.
И только, увы, не дано
На грешной земле мне покоя.
Мне тихая радость дана...

Не подумай, что я завидую
Зорям щек, что как маков цвет –
Грустно заново боль забытую
Извлекать из подледья лет,
Грустно стаивать лед разлуки –
Так дожди плавят линзы льдин.
Было счастье – не лгали руки,
Все прошло, счет одна – один.
И напрасно твердить, что не был
Ты подобием божества –
Отсияла любовь, как небыль,
Грустной памятью рук родства.
Было счастье...

Тосклив в предвестии метелей
Крикливых галок шумный лет,
Еще тоскливей и бесцельней
Снегов завьюженных налет.
Вихрят озвученные тени
По вечереющей лыжне –
И лес туманнее видений
Летит на снежном скакуне.
И уцепиться – невозможно,
И ветер свистом ветви рвет.
Лес и душа моя на прочность
Вновь проверяются - на взлет...

Дым оседает завитком
С утра затопленных печей,
Вновь на земле лежат легко
Все звезды минувших ночей.
Земля, как ни крутись, мала
Для скопища ночных светил,
Она в сугробы их смела,

Чтоб блеск их – солнца не застил.
И засияли мне тогда -
На полушарие пути,
Из них один – моя звезда,
Но как суметь её найти.
Не отыщу, то по весне
Растают звезды без следа.
Неужто , суждено во сне
Ее мне только увидеть,
А наяву – лишь тяжкий труд,
Пересыпать их по одной...
Мои галактики растут –
Их больше с каждою весной.
Их больше вспыхнет на земле,
Когда придет раздумий час-
Как отыскать среди полей
Свою звезду в счастливый час?
Дым оседает завитком...

Скажу, не мудрствуя лукаво,
В зрачках грустинку засветив,
Ни почестей не жду, ни славы
Не потому, что примитив.
И мне судьба моя любезно
Не отказала в широте,
У каждого - своя есть песня,
Единственная по мечте.
Одна ликует, как орлица,
Другая, словно прядь ручья
Негромко, но светло струится
В ладонях ласковых луча,
Порой, как взор, мутнеет болью,
Слабея от жары и стуж,
Что не сыскать, казалось, боле
В ней чистоты под ряской луж.
Но и ручей – в немом застое

Не исчерпать тебе до дна.
Он потому вниманья стоит,
Что в нем – рождается глубина.
Скажу, не мудрствуя лукаво...

О счастья робкая звезда!
Не утвердить тебя стихами,
Покамест царствует нужда
И делят власть воры и хамы,
Покамест горя торжество
Царит над миром век от века
Неотделимым естеством
Существованья человека,
И оседает на лице
Гарь человеческих страданий –
В терновом шествует венце
Химера счастья – в назиданье.
О счастья робкая звезда...

Лишь втихомолку отрешённость напрочь
В дождях капли выплакал апрель
Под тишину , наложенную на ночь
Прозрачно и свежо , как акварель ,
Как снова сердце в приступе признанья
Сорвалось, словно с облачных высот,
К светлейшему под солнцем ликованием,
Разлитому в любви , как в сотах мёд.
И, замирая от счастливой муки
В объятиях берёзовых ночей,
Срывающиеся , словно капли, звуки
Рождаются в снегах души моей...

В сновиденьях – нет возмездья горше! –

Я ношу смятенно на руках
Худенькое тело, что так гложет
Боль и материнская тоска.
Рук твоих тяжелая усталость
И лицо родимое , одно ,
На все годы, что прожить осталось,
Ношею бесценной мне дано.
Теплотой твоею согревает,
Словно в детстве, старенькая шаль
И в душе до боли оживляет
Грусть разлуки, памяти печаль.
В сновиденьях – нет возмездья горше...

А сосны стыли, чуть дыша,
В снегах, тяжелых – до обвала.
И в ломких пальцах камыша
Тишь по-лебяжьей трепетала,
Крылами билась – но не взмыть,
Испуганно мигали сосны,
И обреченно стала стыть,
Оцепенев в морозах грозных.
Помочь хочу её крылам –
Рукой коснусь стволов стозвонных,
Чтоб вновь созвучья обрела
Ветвей сияющая крона,
Чтоб снилось золото зрачков,
Лугов ромашковых кипенье,
И за безмолвием снегов –
Весенних жаворонков пенье...

Берёз высокое свеченье,

Позёмкой свитые снега,
Да осенит вас вдохновеньем,
Родные - детством берега.
Да осенит лесные тени
Неповторимость белизны,
И перворожденность смятенья,
И первозданность тишины.
Да осенит, чтоб с новой силой
Напомнить, как, лютея, мчал
Воздушный вал, свистя уныло,
На торжествующий причал.
И льдин пластины слюдяные
Крошились взвинченным винтом,
И Камы волны ледяные
Шуршали сухо за бортом...
Да осенит морозным треском,
Возвратом детства одарит,
И сердце, словно гений фреску,
Мечтою счастья озарит.
Берёз высокое свеченье...

Сияла ночь, как счастья проблеск,
Смахнув дневную канитель
В разгоны межеловых просек
И в сновиденья спящих тел,
И звёздной пылью серебрилась
В сединах вывьюженных туч,
Где ореолом оперилась
Луна над бездорожьем круч.
Но вперехлёт её покою,
Её величью вопреки
Невыразимую тоскою
Сплетались строки-завитки,

Где буква каждая – заклятье,
Почти подобье ворожбы –
Так заговаривают счастье
Иль укрывают от беды,
Где слов созвения – моление
О неизведанных путях,
О тех неожиданных откровеньях,
В которых сердце, как в сетях,
Где стих – души сквозные раны,
Что истекают кровью чувств,
И исцелит их, как ни странно,
Лишь бремя равнодушных уз,
И умертвит, что так сияло,
Смеялось, плакало в крови...
Как много нам и всё же мало
Дано для счастья и любви.
Сияла ночь...

Гогот жирных гусей у луж,
Серебро куполов безбожных,
И на Каме в дожди и в сушь –
Пароходов гудки тревожны.
Старый домик на улице тёмной –
Тесный двор и - сирень в окно.
Посидим немножко в потёмках,
Как сидели давным-давно.
Посидим, дорогая, хоть час,
Их так мало у нас осталось-
Как здоровье твоё сейчас?
Понимаю, как ты устала.
Ну, и я всё ищу покой
И в разлуке понять сумела –
Под твоей материнской рукой
Мягче песня моя запелась.
И за это – навек в долгу -
На руках мне носить б твою старость!

Я всей жизнью своей не смогу
Окупить твоих глаз усталость...

Рифмы приходят - вторым дыханием,
Когда жарко дышать, и виски перетянуты болью,
И отваливаются – камнем,
Оставляя души невесомость,
От забот отрешенность житейских,
Поднимая над тусклыми буднями.
Я тогда, как цветущий вереск,
Что весны – неизменный спутник.
Рифмы приходят - вторым дыханием...

Вновь небо хмурится, и тени облетают
На сосны и дома, что надо мной.
Я улетаю, сосны, улетаю
И увожу ваш царственный покой.
Я не своей охотой уезжаю
От ваших солнцем золочёных тел,
Взамен себя вам осень оставляю
И холода ,скрипучие как мел.
И здесь, как раньше, рыхлой тучей тая,
Заляжет небо в рыжую стерню.
Я уезжаю , сосны, до свиданья,
Мне на прощанье дайте пятерню.
Но я вернусь , возможно, и не скоро,
Но я приду к вам, золотым от смол,
Когда тоска зажжёт меня, как корью,
Приду и сладко припаду на ствол,
Чтоб вы своей мудрейшей в мире лапой,
Шершавые ладони опустив,
Коснулись плеч моих и пальцев слабых,
По-дружески со мною загрузив,

Погладили колючею иголкой
По побледневшим от тоски вискам
И прошептали ласково и с толком:
«Жизнь, дочка, только в снах легка».
Вновь небо хмурится, и тени облетают...

Поэзия – это для сердца отдушина,
Когда боль и горькие слезы задушены,
Когда безысходностью думы исхожены,
Когда равнодушием глухо обложило.
Ты тихо берешь голубые страницы –
И ночь, как свиданье с любимым, продлится,
И сердце уже не чадит вполнакала,
И миг, словно вечность, а вечное - мало.
И ценишь любовь и за то, что страдаешь,
И меньше грустишь, что от счастья сбегаешь,
И жизнь принимаешь и проще, и глубже,
И веришь, что стих твой, как вздох, будет нужен.
Поэзия – это для сердца отдушина...

Дождь расплавил дороги,
Дождь сочился из каждой щели,
В треугольниках строгих
Улетело тепло к апрелю.
И томит сердце слякоть,
И шуршит тишина листопадом,
И арбузною мягкостью –
В тучах пепельных веки заката,
И леса обнаженные,
Словно сердце в разлуке,
Тянут ветви сожженные
Разделить мои муки.
Дождь расплавил дороги...

Порой не видишь мук,
Не ценишь — и не раз —
Того, что жизнью
Дарится нам хрупкой —
Улыбку добрых глаз,
Пожатые теплых рук,
И борозды морщин
На коже — в рубчик.
Порою лишь тогда,
Когда устав давать
Тепло и доброту,
Застынут руки,
Так страшно тяжелы,
И, словно воск белы,
И странно-холодны,
Скрестясь над грудью,
Оценишь, как — нужны,
Как горек их удел —
И боль утраты — легкая расплата
За невниманье к ним,
За все, что не сумел...
Но не вернуть им больше
Нашу плату.
Порой не видишь мук...

И не надо бессмертья
И жестяных лавров —
Разобраться б суметь,
Где мне — плетью, а где — кров,
Разобраться, где гранью
Стон струны — в радость труб,
Зыбкий блеск океанов —

В смех ребяческих губ,
Теплота тонкой кожи –
В ночи мокрую муть...
Мне бы только немножко
Заглянуть в свою суть.
И не надо бессмертья...

А солнце, стаивая, гасло,
Стекало по коре в кусты,
И тени хмурились неясно,
И становился лес густым.
Березы длинные и снежные
Струили занавес листвы
В траву бездонную и вешнюю
Потоком грез из синевы.
И мы стояли над обрывом,
Закатом плавилась река,
И мне казалось, волн порывы
Разносят наши берега,
И что расходятся дорожки,
И сникли руки - так грустны,
А рядом плавали сережки
Аккордом смолкнувшей весны...

Голубою метелью
Взвился лес в высоту,
Только хмурые ели
Лапой вьют темноту,
Как из кудели пряжа,
Наземь падает тень,
Улетели за кряжи
Стаи свет-лебедей.
Все синё и дремотно

В первозданности той,
Здесь дремучие сосны
Рыжей встали стеной,
И корявые лапы
Цепкой хваткой клешней
Шишки, будто бы лампы,
Поднимают над ней.
Голубою метелью...

Ну, не надо – прошу - не надо,
Не зови меня, город белый.
На закате густое стадо
Молоком изойдет созревшим,
И серебряной теплой пеной
Захлебнется пустая кружка,
По деревне луны бессменной
Поплывет голубая стружка,
И раскинут шатры березы
В звездопаде моих желаний.
Что тебе, грубый город, слезы
И смятенной души признанья?
Ты извечной тоски не поделишь,
Мне чужда твоих губ прогорклость.
Как рассветную бодрость в теле,
Отдала тебе сердца зоркость.
Так, не надо – прошу - не надо,
Я лечусь резедой и кашкой,
И заката густое стадо
Истекает – над сонной пашней...

И смеюсь легко, и плачу,
Сторонюсь расспросов нудных,
Лишь ночам за их участие
Благодарна, если трудно.
Под упругою походкой
Снег поскрипывает звучно,
И скользит луна, как лодка,
С заиндевших бликов в тучи.
В душу снежная пороша
Намела сугробы света,
И от этой зыбкой ноши
По зрачкам бегут отсветы,
И прочеркивает тело
Холод, чуть дымком прогоркший,
И снежинкой онемелой
Ночь лежит в раскрытой горсти.
И смеюсь легко, и плачу...

А берёзы наполнились звоном
Перетянутых туго струн,
Онемелые ветви спросонок,
Заломив к отражениям лун.
Их влечет, одичалых от воли,
В голубые пространства небес
И ознобит горячей болью,
От которой звенит зимний лес.
Он стоит в упоении страстном,
Умоляя о крохе тепла,
Забывая, что луны не властны,
Дать того, что земля не смогла.
А берёзы наполнились звоном...

О детства запах,
тёплый, как дымы,
Стоящие столбами
прямо в небо!
Он в белизне
завьюженной зимы,
И в корке
замороженного хлеба.
Как сладок был
его соленый вкус,
Как на губах
разгоряченных таял...
Мой друг татарин был,
а я – «урус»,
Но снежных баб
мы сообща катали.
А этот запах
родился весной
В дыму
янтарно-сладостных серёжек
Под брызги звезд
в раскрытое окно,
Под первый взгляд,
что сердце растревожил.
Во все проник
и даже в непокой,
Что по сей день
меня тоскою гложет –
Мой дом, мой мир
создал меня такой,
И изменить другой -
уже не сможет.
Я грусть свою
всосала с молоком
Той, что так редко
в детстве я видала,
И эта боль,
засевши глубоко,
Не раз дотла

мне душу выжигала,
Став соучастницей
моих потерь,
Числа которым -
не найти, пожалуй.
Она дарует
царственно теперь
К себе подобным -
и любовь, и жалость.
О детства запах...

Закамье - облака, как лани,
С небес сошли на водопой,
И губы им закатно ранит
Речной игольчатый прибой,
А солнца ком, как сгусток крови,
Окрасил синий плеск волны,
Подъятой наверх - с небом вровень,
И облака - чуть солони.
И в той гармонии Вселенной,
В единстве мира и вражды,
Душа звеном самозабвенным
Свела истоки красоты.
Закамье...

Когда взойдет таинственно-высоко
В прохладе чар сферических луна,
Светла, как лунь, молитвами Востока
И острым блеском стали холодна,
И в глубь точеных башен минаретов,
В кольцо листвы огрузневших дерев
Спускается стооко и заветно

Забвенья свет прошедших зим и лет,
Тогда, лучей мерцанием обложив
И сетью звезд ночной волны разлив,
Все в этом свете, в этом блеске сложив,
Ночь создает чарующий мотив.
И город, изначально-азиатский,
Святым крестом содружественно-горд,
Спит под чарующий мотив, как в сказке,
Столетия – в былом и до сих пор.
День принесет ночной прохлады свежесть,
Надежду на содружество культур,
На мир, покой, а также неизбежность
Идти совместно к свету и добру.
Земля родная, Родина – причастьем
Татарину и русскому мила,
И каждый - благодарен ей за счастье,
Что от рожденья всем она дала...
Когда взойдет таинственно-высоко...

В Чистополье голубые ели
Загорелись всполохом огней,
Стала их погубленная зелень
Украшением новогодних дней.
А стволы красавиц поседелых
Выбросят на дачные дрова,
Ведь кому теперь какое дело,
Что недавно ель была жива,
И своей роскошною красою
Завораживала каждый взгляд?
Сгублена, чтоб нищенкой босою,
Отсверкав, забыть пути назад.
Так и юность наша пышноцветом
Отсияла свой короткий срок
Праздничным сверкающим приветом
На скрещеньях жизненных дорог.
И порой, припомнив это время,

Усомнишься – было ли оно?
Золотое сладостное бремя,
Не перебродившее в вино...

Пробую рифму, как пробуют голос,
Искренне веруя в значимость нот,
Тех, что пьянят, словно редкое соло,
В первой капли, сорвавшейся в лет,
В первой метели, забрезжившей новью,
В первой тоске, что не в горе, а – всласть,
В первом твоём нестерпимом безмолвье,
Чтоб, истомясь, к ней, как к счастью, припасть...

Новый Год, снега, надежды,
Над снегами – хвойный дух,
Обновленные одежды,
Радость речи нежит слух!
Парк подсвечен, ель, гирлянды,
Детский смех, катанье с гор,
Ночь, двенадцать – бьют куранты –
С Новой жизнью, с Новых пор!
С Новым счастьем, с ожиданьем,
Чтоб исполнилась мечта,
С днем заветного свиданья
Всем, кто бодр и кто устал.
И чтоб добрый ангел вышел
Встретить Новый Год, дай Бог!
И чтоб каждого – услышал,
И чтоб каждому – помог.
В этом мире ожиданий
И истерзанных надежд
Пусть святой душою станет
Больше – в списке светлых лет!

Новый год, снега, надежды...

Всю дисгармонию души,
Всю горечь боли и невзгоды
Лечу гармонией природы
В ночной трепещущей тиши
Очнись, довольно умирать!
Надежда - солнышком заблещет,
Пусть боль в речных глубинах плещет
Так далеко, что не достать.
Не стоит горечь изливать,
От этого не станешь выше,
Не стоит грозно обвинять
За то, что, слушая, не слышат.
Нам свет – увы! – не изменить,
Ведь каждый одинок бессильно,
Не стать нам милыми насильно,
А, значит, надо дале жить,
Жить, невзирая ни на что,
Искать в себе - крупницы счастья
И отстранять слепые страсти,
Душе оставив тайный вздох!..

Вам не дано было любить,
Вы нежности в душе не знали,
И отблеск рифм, как холод стали,
У Вас имеет место быть.
Ваш интеллект - сродни газете,
Стих – очередной политвояж,
В нем желчью новости пометит
Рифмованный Ваш антураж.
Вы – из породы Маяковских,
Гражданственностью возвышая слог,

Дублером-два и подголоском
Вы тычетесь в их потолок.
Но есть поэзия другая,
Что болью, нежностью светла,
Непреходящая, святая,
Ее – судьба Вам не дала,
А жаль, ее очей – достойны,
Мой добрый, грустный человек.
И как ничтожны наши «войны»,
Когда кончается наш век!

Вите Цареву

Способный парень – дворничихи сын,
Ему бы получить образование,
Но в эту пору трудную годин
Так недостаточно его желанья,
Бедняк-мальчишка хочет стать врачом,
Но медики дипломы покупают,
Молюсь я за него души свечой,
Бог даст подмогу тем, кто возжелает.
Учитесь дети, бедность – не порок,
Господь толковым – раздвигает стены,
Ведь дар учебы – главный из даров,
Он вашу жизнь возвышенно изменит...

Был вечером концерт
Из прошлого столетья,
Старик-артист пел
И читал стихи,
Кумир советских женщин
В венчике бессмертья
С забытых сцен
К ним направлял шаги.
И на него

Задумчиво глядела,
И вспоминала,
Как он был хорош!
Корчагин, Вронский, Грей
Блистательно-умело
Им были сыграны так,
Что по сердцу дрожь.
- Была в Вас влюблена,-
При встрече я сказала,
- У Вас, сударыня,
Хороший вкус.
А в небе ветром
Ветви раскидало,
И в сердце –
Прежней нежности искус...

Природа! О, моя душа,
Я – часть твоя, твоя кровинка,
И упиваюсь не дыша
Ничтожнейшей твоей былинкой,
Из роскоши твоих услад
Душа уж вырваться не сможет,
Твой огнемётный звездопад
Поэзией мне сердце гложет
С отрочества и до конца
Под даром Божьим наслажденья,
Под светом женского венца
Необрученья, невезенья.
Но боль любовных неудач –
Святой источник вдохновенья,
Хоть горько смейся, сладко плачь,
Но в ней – блаженство и спасенье.
Природа – мать,
природа – сын,
любовник, друг
и просто – счастье,

С ней – ты богат, ты – не один
Под этой царствующей властью.
Природа! О, моя душа...

Поэты – о любимых пишут,
Поэты пишут о душе
В надежде, что ее услышат
Хотя б на роковой меже.
И за могильною чертою
Поймут родные, наконец,
И благодарною рукою
Оправят боль твою в венец,
Не лавровый, а, в кровь, терновый –
В нем маялась душа в слезах,
И тихое прощенья слово
Уже услышат небеса,
Чтобы прощенная – простила
Всю суету напрасных лет
И Божьим светом освятила
Век поражений и побед,
Чтоб светлый, благородный облик
В глазах любимых обрела,
И чтоб на миг им – стало горько,
Что страждущей от них ушла.
Поэты – о любимых пишут...

Не требуются коррективы ваши,
Вы в гордости моей – правы,
Мои стихи – защитники и стражи,
А не врачующие душу «швы».
В час горький защитят вас от насмешек,
Не помнящих любви холодных глаз,
Судьба на выбор – орликом иль решкой

Подкинута, поймай – на этот раз!
Пусть выпадет она тебе – на счастье,
Благодари за этот щедрый дар,
Но помни оборотный оттиск страсти,
И не дай Бог навлечь его удар.
Из сказанного – не убрать ни слова,
Оно, как тот счастливый воробей-
Стихов необратимая основа
Защитою останется тебе...

О нежность ярости конца
Огня надежды изначальной,
За тенью смертного венца
Предай прах небу беспечально,
Не предавай сырой земле,
Растленью, скользкому как черви,
Жар – небу, плоть моя – золе,
Развеянных без слёз и терний.
Пусть плоти жар и свет души
Над миром в звеньях превращений
У новорожденной межи
Сольются в страстный миг рожденья,
И новорожденная плоть,
Не зная о предназначенье,
Слогов сияющую горсть
Взорвёт – своим стихосложением.
«Вот и родился – тот Поэт», -
Душа моя блаженно скажет,
Хоть снова злобный пистолет
Ему к бессмертью путь укажет,
И упокоено уйдёт
В Вселенские святые дали,
А над Россиєю взойдёт
Звезда, которую мы ждали -
Поэт – от Бога и людей,
Не оскверненный злом всевластья,

Чтоб мир в извечной маяте
Отвечил на вопрос – где счастье?..

Все в облаках, как в перьях лебединых,
Мои возлюбленные небеса,
В них - сущее дыханием единым
Растворено, словно в глазах слеза.
Найти б слова восторга и блаженства
В том единенье вечном с высотой,
Что полонила мою душу с детства
И возвела на трон свой роковой.
С той высоты всё – суетно и мелко,
И выстраданное - горестно-смешно,
Что – каюсь – собственное горе сделкой
Порою кажется в цепях основ,
И слёзы – выкуп за подлог продажный,
Что чьё-то сердце болью надломил,
А искренность – двуличьем эпатажна,
И лицедействует – ах! – из последних сил.
И кажется, что мир – театр теней,
Бегущих за слепой судьбой вдогон,
И всё ж –
и боль, и радость - откровенье
Души, бросающейся в их огонь,
В агонию последнего причастья
С печатью тайной веры на челе,
Прощальным взглядом, загадав на счастье,
Отходит возлюбившая – ко мгле.
Все в облаках, как в перьях лебединых...

Знакомо благородству – одиночество,

Рождённое от нравственных вершин,
Предать его не сможешь, хоть захочется
На миг почувствовать, что не один.
Ты принимаешь мир душой беззлобною
В надежде встретить дружеский кивок –
Ваш собеседник желчно место лобное,
А не признание – подготовит в срок.
О бедные, пригретые поэты,
Хамея в графоманской суеде,
Не читанные вы уйдёте в Лету
В своей сверхоценённой слепоте.
А как бы славно дружеству поэтов
Добром встречать собратьев по перу.
Вы ж завистью, как дулом пистолета
Распнёте – не пришёлся ко двору! -
Напишите о свете, благородстве,
Сердечности стихов – своих ...
Как хорошо, что не имеет сходства
Свет ваших – с болью строк моих.
Знакомо благородству – одиночество...

Сыну моему любимому

и единственному посвящаю.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Есть крыша над головой. – До завтра!
Есть кусок хлеба на столе. – До завтра!
До завтра – это, когда растишь сына - без будущего.
Есть звёзды над головой. – Прощай - навсегда!
Есть старость и бессилие. – Прощай – навсегда!
Навсегда – это, когда не для кого жить...

Господи, мне есть для кого жить, и есть пока кусок хлеба на столе, и возможность помочь тебе, сын.

Но, у нас с тобой – сложное будущее. Хватит ли у меня сил сохранить для тебя и крышу, и кусок хлеба не до завтра, а хотя бы до того момента, пока ты сам не сможешь заработать себе на жизнь самостоятельно.

Я выросла в жалкой нищете. И всё, что у тебя есть, это результат труда и усилий двух одиноких женщин: твоей бабушки и меня. Всё это – гроша ломаного не стоит, но жизнь нам большего не дала. Мы довольствовались этим. Устроит ли это тебя? Без образования ты ничего в жизни не добьёшься, мой родной. Но сможешь ли ты его получить, я не знаю.

Это будет зависеть в большей степени от тебя. Я росла у неграмотной бабушки, которая ничем мне помочь не могла, и кончила школу с отличием.

Учение и труд – всё перетрут. Без труда – не выловишь рыбку из пруда. Глаза боятся – а руки делают. С пелёнок я твержу тебе об этом.

Ты вырос и вступил в большую игру, которая называется жизнью. И, как-бы ни складывались жизненные обстоятельства, старайся играть честно, никогда не обещай того, что ты не сможешь дать. Но, если слово дал, сдержи его. Считают, что детство, юность – золотая пора в жизни.

Я стараюсь сыграть для тебя эту волшебную сказку, насколько хватает моих сил и умения. Не каждой - даётся талант быть идеальной матерью, но каждая мать хочет дать своему ребёнку – только лучшее.

Господи, дай нам сил и терпенья, чтобы перетерпеть все ненастья нашей жизни, и чтобы ты вспоминал и помнил меня только спокойной и доброжелательной. А Бог и добрые люди - помогут тебе в жизни...

Лежала, спрятанная тайно,
Нечитанная никогда
Моих стихов святая тайна,
Как неоткрытая звезда.
И вот, на позднем дне ухода,
Чуть пожелтевшие листья
Прочла – и грешная свобода
Прожгла сияньем красоты.
В них – столько нежности опало
И отсияло мне надежд,
Все, во что верить перестала,
Замкнув последних лет рубеж.
В них – откровенности стыдливость
И чувства, вылитые в слог,
Ко мне вернулись, словно милость,
В них – я и ты, а выше – Бог.
Ушли – навек, чтоб в жизни новой
Мое – тебе осталось Слово...

Сентябрь 2011г.
г. Чистополь

Благодарность

Выражаю сердечную благодарность за помощь, оказанную в компьютерной вёрстке книги, коллективам педагогов и учащихся учебных заведений г. Чистополя, в том числе:

-МОУ "СОШ №6"

Гузаеровой Гельсире Нургатовне
Чебановой Людмиле Александровне

- Педагогического колледжа

Гафиятуллиной Энже Хабибуловне
Тазетдиновой Гулие Рафиковне
Хакимовой Альфии Зайнулловне
Сибгатулиной Гулие
Якимовой Елене

- МБОУ "СОШ №1"

Досаевой Татьяне Григорьевне

-МБОУ "Гимназии №2"

Закировой Рушание Вахитовне

Выражаю так же сердечную признательность за спонсорскую помощь при издании книги чистопольским предпринимателям.

Содержание

От автора.....	3
Поэзия человечности и правды.....	4
Золотое Чистополье	
«Золотое Чистополье...».....	6
«Но вечен звездный свет над Камой...».....	6
Моя Отчизна, отчий дым	
«Прикамский плес, прикамский лес...».....	7
Все найдено у камских вод	
«Пьянит девчонку поцелуй...».....	8
«Анна Светлейшая – Божья благодать...».....	9
«В озёрах зорь стволов колонны ...».....	9
«Золотым осиянные светом...».....	10
«Восточной яркости базар ...».....	10
«Эти дворики схожи с московскими...».....	11
«Пою, когда гортань иссушит...».....	12
«Неспешной зрелости пора...».....	13
«Хлеба, омытые в дождях...».....	13
«Листвой от плоти - плоть земля...».....	14
«А бабье лето на исходе ...».....	14
«Плыву по солнечной дорожке...».....	14
«Вновь выюгой смыты горизонты...».....	15
И пусть здесь будет город сад	
«Свечой гигантской встал собор...».....	16
Светлейшество Ваше, Нежность	
«В начале было Слово...».....	17
Свет милосердия	
«Скарятинские сосны - в поднебесье...».....	18
«Всё прежнее - знакомое до слёз...».....	19
«Стих - стиху рознь, строка – строке...».....	19
«Свирели апрельских ветров...».....	19
«Когда о Родине слова...».....	20
«Застонать бы от сладкой боли...».....	20
«Боже, сколько в поднебесье – солнца...».....	21
«Еще лыжня - совсем легка...».....	21
«Снова сердце смеяться стало...».....	22
«Апрель, апрель, твоей поре...».....	22
«А небо – плыло по виску...».....	23
«Новый день начиная, рада...».....	24
«Вновь белеют березы чётко...».....	24
«Ветер вздрогнул в оргийном трансе...».....	24
«Ах, «ярар уж», ах, «ярар» ...».....	25
«Я люблю эту позднюю осень...».....	25
«И плыли сосны - невесомей звука...».....	26
Реквием	
«Когда качались в океанах...».....	26

«Когда в душе избыток красоты...»	27
«Бредём по жизни - в никуда...»	28
<i>И хочется весь мир любить</i>	
«На берегу нет ни души...»	28
«Нам всем не хватает любви...»	29
<i>Здесь замолю гордыни грех</i>	
«Слетелись чайки на волну...»	30
«Последняя ласка лета...»	31
«Лишь солнце в новый день взойдёт на небе...»	32
«Не считала нужным печататься ...»	33
«Мать слыла королевой умелой...»	33
«Последнюю благую дань...»	34
«Теплынь, хоть август, солнце жжёт...»	35
«Природа спит, но воздух властно...»	35
<i>Здесь край мой – Родина</i>	
«Я снова здесь - без звезд и званий...»	36
«Волна живе́й – биения истоков...»	37
«Мир вздрогнул – миражем у сопла...»	38
«Да - седина, морщинки – да...»	38
«Еще не свищут соловьи...»	38
«Ах, эти ели, эти ели...»	39
«Рвалась опавшая листва...»	39
<i>Мы - из Советского Союза.</i>	
«Порой презрительно поκληнут...»	40
«Закамский простор облаками обложен...»	41
«Где мой город детства ...»	42
«Облака – грядой белейшей ...»	43
«Божественная красота ...»	44
«Уползает свою обреченность...»	44
«Вот, мои сугробы детства...»	45
<i>Письмо сыну</i>	
«В полнеба – дождь, слепая морось...»	45
«И годы давят тяжким грузом ...»	47
«Закамье золотом горит...»	47
«Весна и осень возвращений...»	48
«Мерцает поздняя звезда...»	48
«Мне в жизни слов святее не найти ...»	49
«Закамская осень – дожди обложили...»	49
«Это – мои грезы, это – моя боль...»	50
«Праздничная служба – под Покров...»	50
«Стара, а сердце не остыло...»	51
«Неуютно и глухо в лесу ...»	52
«О, это половодие дождей...»	52
«Угловатую гибкость плеч...»	52

Тебя родней не знаю я

«Скрипят снега под шагом сухо...»	53
«Сжался, милый, надо мной...»	53
«Под гордым знаком красоты...»	54
«Господь пошлет мне снегом – благодать...»	54

Юным прекрасным подругам.

«Я гляжу на осенний закат...»	55
-------------------------------	----

Подругам юности

«Вымирает поколение седых...»	55
«Средь волн, качавшихся лениво...»	56
«Снег залег, словно зверь в осаде...»	56
«Опять бестравие проталин...»	57
«Радуга – ликующее диво...»	57
«На синей стыни камских вод...»	58
«Ах, жар-березы, ах, цыганки...»	58
«Взорваны давно - и разбежались...»	59
«Я гляжу в стариковские лица...»	59
«О, роз роскошная небрежность...»	59
«О Камские мотивы...»	60

Хвала советской интеллигенции

«Растил Союз нас для труда...»	61
«Не знаю, как и что пишу...»	62
«На чёрных ветках - чёрные вороны...»	62
«Ожидание встречи - ожиданьем разлуки...»	63

А ночь в июне коротка.....

«Вечерним солнцем осиянный ...»	63
«Ты рождена прослыть поэтом...»	64
«А травы – пели, словно скрипки...»	64
«О, как листы качает - в дрожь...»	65
«Вновь - оглушенную безбрежность...»	65
«О сны, подобные волне...»	66
«Уж близок день, рождающий сиянье...»	67
«Со дня рождения – до смерти...»	67
«И эллипсоиды ветвей...»	67
«Опять лепечут мне мечты...»	68
«Снегирами вызрел лес...»	68
«Отчаянной игре в слова...»	69
«Колокольчики, ромашки ...»	69
«А небо дышит влагой облаков...»	70
«Когда б - не ты, не знала – нет!...»	70
«А звёзды нежностью горели...»	71
«Снежный вечер – нежность плачет...»	71
«Мы остаёмся молоды...»	72
«Вешний цвет осыпается пряный...»	72
«Какой рассветный час – луна стоит высоко...»	73

«Сквозь россыпь южных горных звезд ...»	73
«Будут дни, словно сказка...»	74
«Все те ж знакомые дорожки...»	74
«Весна – безмолвие лесное...»	75
«В изломе туч...»	75
«Кто сердца близкого не знал...»	75
«О муза, в тихих обещаньях ...»	76
«Солнце, как яблоко – спело ...»	76
«Прощанья, встречи, ожидание ...»	77
«Опять скользящий ветра круг...»	77
«Не обещанием счастья ...»	78
«Мне тихая радость дана...»	78
«Не подумай, что я завидую...»	79
«Тосклив в предвестии метелей...»	79
«Дым оседает завитком ...»	79
«Скажу, не мудрствуя лукаво...»	80
«О счастья робкая звезда!...»	81
«Лишь втихомолку отрешённость напрочь...»	81
«В сновиденьях – нет возмездья горше!...»	82
«А сосны стыли, чуть дыша...»	82
«Берёз высокое свеченье...»	83
«Сияла ночь, как счастья проблеск...»	83
«Гогот жирных гусей у луж...»	84
«Рифмы приходят - вторым дыханием...»	85
«Вновь небо хмурится, и тени облетают...»	85
«Поэзия – это для сердца отдушина...»	86
«Дождь расплавил дороги...»	86
«Порой не видишь мук...»	87
«И не надо бессмертья ...»	87
«А солнце, стаивая, гасло...»	88
«Голубою метелью ...»	88
«Ну, не надо, прошу, не надо...»	89
«И смеюсь легко, и плачу...»	90
«А берёзы наполнились звоном...»	90
«О детства запах...»	91
«Закамье - облака, как лани...»	92
«Когда взойдет таинственно-высоко»	92
«В Чистополье голубые ели...»	93
«Пробую рифму, как пробуют голос...»	94
«Новый Год, снега, надежды...»	94
«Всю дисгармонию души...»	94
«Вам не дано было любить...»	95
«Способный парень – дворничихи сын...»	96
«Был вечером концерт...»	96
«Природа! О, моя душа...»	97

«Поэты – о любимых пишут...».....	98
«Не требуются коррективы ваши...».....	98
«О нежность ярости конца...».....	99
«Все в облаках, как в перьях лебединых...».....	100
«Знакомо благородству – одиночество...».....	101
Послесловие.....	102

Литературно – художественное издание

Полторецкая Ольга Борисовна

Золотое чистополье

Книга 1

Стихотворения

Избранное

Редактор Полторецкая О.Б.

Верстка: МОУ «ООШ№6», педколледж г.Чистополя

Дизайн обложки: Полторецкая О.Б, Якимова Е.

422980 Республика Татарстан

г. Чистополь

ул. Ленина, 55

Центральная библиотека

тел. / факс: 5 – 59 – 75

тел. 5 – 00 – 06

e-mail: lib.chistopol@list.ru